

ШИТКИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Февраль 1919 — январь 1920 гг.

*Воспоминания
Левинцев*

Архив А.Ю. Чернышова

Глава 4

КНИГА № 6

ВАСИЛИЙ КАРПОВИЧ СПРАВНИКОВ

**Родился в 1898 году.
Бывший партизан Серафимовского отряда,
ныне пенсионер, проживающий в селе Шелехово.
Беседа состоялась 26 ноября 1961 года**

» Деревня Георгиевка, в которую наша семья переселилась из Могилевской губернии в 1912 году, находится в устье реки Малая на берегу реки Тагул, верстах в тринадцати от деревни Талой (ниже). По переписи 1917 года, деревня Георгиевка (переселенческий участок Явочный) основан в 1909 году. В 1917 году — 13 хозяйств. В то время там было уже три хозяйства переселенцев из Рязанской губернии: Грачева Антона Ивановича, Попова Андрея Ивановича и Тимакова Петра Ивановича.

Нас было около десяти хозяйств, все из одной деревни Могилевской губернии:

- 1) Sprawnikov Карп (мой отец, с мачехой моей Ганной),
- 2) Sprawnikov Василий (мой дядя),
- 3) Кляус Мирон,
- 4) Якименко Прохор,
- 5) Архипенко Никита Георгиевич (Егорович) и др.

Переселенческий участок не был нарезан, заселили его самовольно, поэтому в начале он назывался Явочный, Большереченский, Самовольный, Самохватский. Когда прибыла наша партия, собрали сход общества, чтобы решить, как назвать деревню. Сперва предлагали «Грачевка» по имени одного первопереселенца — Грачева Антона Ивановича. Но Никита Георгиевич Архипенко сказал: «Тату у меня помер, как поехали сюда. Вот просил бы вас в честь его назвать Георгиевкой». «Ведро самогона поставишь — и пиши «Георгиевка»», — отозвались мужики.

Так и сделали. И с тех пор деревня зовется Георгиевкой. В 1919 году в деревне было 20 дворов (Черневский: «По описи 1917 г., основана в 1909 году, а дворов — 13». — Е. С.).

Я в 1917 году, недели за две до Февральской революции, был призван в армию. Служил в Иркутске. Затем нашу часть перебросили в Ригу, под Псковом попал к немцам в плен, обменяли нас, привезли в советский Петроград и пустили по домам. Вернулся я домой (ехал месяца два) уже в конце апреля или начале мая 1918 года, в праздник Великой пятницы, перед Пасхой.

В августе 1918 года меня и моего одногодка Бориса Антоновича Грачева мобилизовали в армию Временного Сибирского буржуазного правительства, и мы попали в Нижне-Удинск в 1-й Есаульский Сибирский полк.

Мы слышали от людей, что в наших краях неспокойно. Я и Грачев были в... роте, я был назначен — как фронтовик, окончивший учебную команду в германской войне, — командиром 3-го взвода. Ротным писарем у нас был Максим Иванович Барчук из Шелехово. Он часто рассказывал нам о том, что узнавал в

ротной канцелярии, уговаривал бежать, дал пропуск и увольнительную, и мы с Грачевым бежали — я первый, он потом, по отдельности, зимой.

Вскоре до нас дошел слух, что в Ингашет приезжал Бич. Хочу сказать, что организацию начинал именно в Ингашете. Говорили, что Бич бывал сперва у Федора Офицера, потом у Кодрата Крышки и Дворяниновича. Когда был назначен сбор в Шелехово, пошли и мы, а оттуда все в Серафимовку и расположились в школе. Командир отряда Горегляд и ревком были избраны сразу в Шелехово. Никакого штаба при отряде не было. Заместителем Горегляда был Зима Федосий Васильевич, 1894 г.р., и Толстихин Яков, 1894 г.р. Командиром лыжников по диверсиям на железной дороге был Козлов Константин Кононович из Талой. Других командиров не было, а были временные заместители, старшие группы и т.д. Горегляда Максима Иосифовича было решено избрать командиром кавалерии на летний период, но это не состоялось.

Г.Н.Л. — это хапуга, мародер и анархист, и не случайно его расстреляли при советской власти за крупные хищения. Артюх — тоже вроде него.

В ревком или исполком, мне помнится, были избраны, кроме тех, кто указан у Мясникова:

1) Кляус Иван Миронович — лет сорока пяти, еще до переселения учился в духовной семинарии, но разочаровался, был хорошим агитатором-революционером, но в годы коллективизации связался с бандой, участник революции 1905 года;

2) Федот Офицеров — хороший организатор;

3) Лозицкий Леонтий Антонович — хороший организатор, но не оратор, спокоен, молчалив, моряк Балтийского флота с «Авроры»;

4) Гредюшко Ильич Михайлович, молодой;

5) Евсеев Филипп.

Что касается других членов ревкома, указанных Мясниковым, то скажу следующее:

- Новиков Денис Андреевич — не активный, в партизанах был мало и больше по хозяйству;

- Справников Архип Васильевич, 1894 г.р., по снабжению и боеприпасам, участвовал в диверсиях на железной дороге;

- Непомнящий Андрей Родионович был рядовым, но активным бойцом;

- Крюков Сергей — не погиб, он почти не был в отрядах, а больше в деревне, его избили румыны, приняв за брата, Кобкова (?) Якова, — хорошего партизана;

- Куракин Павел Петрович был мало и без толку.

Активными партизанами были:

1) братья Гремозлазовы (Черневский: «А по Шкредову, они плохие!». — Е. С.),

2) Толстихин Яков Павлович,

3) Бочанов Семен Харитонович — боевой лыжник,

4) Козлов Константин Кононович,

5) Непомнящий Андрей Родионович,

6) Рукоусев Терентий,

7)

8)

Меня в Серафимовке поставили на взвод, но вскоре перевели инструктором по оружию, набивке патронов. Основное наше оружие — берданы.

Из серафимовских партизан хорошими были: Чуяшов Роман, братья Дыдаолевы, Александр и Яков, Козлов Константин Кононович из Талой, Хвощевский Егор. Вскоре к нам пришел и Максим Иванович Барчук. Он попал в 6-ю карательную роту, и пришел к нам, и был активным боевым партизаном.

Первой операцией была вылазка на железную дорогу на станции Байроновка. В ней участвовали кто-то из Гореглядов, Козлов Константин, Непомнящий Андрей, Шалыгин Константин и др. Там, во время поджигания моста, Барчук встретился с солдатами 6-й роты.

В тайшетском наступлении я не участвовал, но помню, что приехал верховой связной, кажется, Москвитин К., с часами, и наши немного опоздали. Им было задание взять почту и лесозавод. В этом бою были ранены Минеев Петр, тальский, его ранило в руку, и Беляев Ефим, тоже тальский, старик, хромым, его ранило в больную ногу. Рассказывал: «Не успел через штабель перелезть, как хватило».

Сначала Серафимовский отряд был небольшой, человек сорок, максимальное количество доходило до ста двадцати.

История с серафимовской учительницей

Это произошло незадолго до отступления, после Тайшетской операции. Учительница жила одна, уже пожилая, ее муж, кажется, служил у Колчака. Ее не любили. У нас на посту при выходе из Серафимовки на Тайшет стоял деревянный пулемет — трещотка, который завешивался мешком. Учительница издевалась, посмеивалась, дразнила. Боялись, что она выдаст эту хитрость.

Был такой порядок, что если кто-то хочет получить пропуск из гражданского населения в Тайшет или в Шелехово, обращаются вперед к старосте, которым в Серафимовке был оставлен Ковалев Андрей, переселенец, бывший рабочий, и работал на нас. Однажды она обратилась к нему с просьбой разрешить пойти в горы для сбора лекарственных трав. Ковалев сказал, что поговорит с командиром, но командиру при этом сообщил, что у нее не наш дух и пускать не надо. Тогда ее решили отправить в штаб в Конторку через Шелехово — Перевоз — Енисейку. Повезли М., Н. Г. и с ними, кажется, Федоров Константин. По дороге, недалеко от Серафимовки, Г. Н. самовольно ее пристрелил.

Собрали собрание, все требовали расстрелять его, но некоторые защищали. Ревтрибунала у нас не было, решали собранием. Чтобы не вносить раздор, решили передать дело в ревком и в штаб, но так все и прошло. А вскоре отпустили. (Черневский: «Литературный вариант: пошли на хитрость, чтобы выследить, — пустили в горы, а сами стали следить и накрыли, когда она передавала сведения какому-то лицу. Обоих забрали, нашли шпионские сведения, фотокарточки, или ее схватили, а неизвестный убежал». — Е. С.). Трещотка была как колыт — ну, прямо как колыт посыпает!

Отдельные эпизоды и замечания

• После отступления и накануне группе во главе со Справниковым Архипом (здоровенного роста, сильный) было поручено ломать железную дорогу на восток, всем рассыпаться маленькими группами и ждать приказа (из нижнезаимского штаба). С ним ходили: Шалыгин, который раньше работал на железной дороге и научил всех лапой (гвоздодер для вырывания костылей, удерживающих рельсы на шпалах) вырывать костыли. Ходили небольшими группами по три-пять человек — таежными тропами, инструмент оставляли в лесу...

• Основные силы партизан летом скрывались в районе Ингашета. Жили там братья С. Один из них работал где-то в Тайшете, часто приезжал, и стало известно, что он шпионит в союзе с братом. Горегляд Вас. Ад. и Кулешов Филипп решили однажды взять его в доме брата. Но он залез на чердак, и когда те тоже полезли, ранил Филиппа Кулешова в ногу, а Горегляда в плечо. Предатель С. больше не появлялся в деревне, скрылся вместе с белыми, а брата его судили как кулака при советской власти.

• Летом же был такой случай: в Талую приехали румыны (или чехи). Зима Федосий и Толстихин Яков ехали с сеном. Белые их сняли прямо с воза и арестовали. По дороге в Талую их встретил Пахорук Тимофей, скрывавшийся у сестры в Талой. Он бросился к реке, и его на воде пристрелили. Узнав о прибытии белых, из Талой многие в панике бежали к нам в Георгиевку, некоторые босиком, с криками: «Румыны!».

Я, Якименко, Справников Архип, Грачев бросились в лодку и переплыли на правый берег Бирюсы в тайгу. И Кляус Иван Миронович с нами. Вдруг он вспомнил, что скрипку забыл — он был хорошим скрипачом, — вернулся, только успел взять скрипку, и румыны входят в село. Поплыл, весло потерял, скрипкой гребет, а румыны по нему стреляют. Мы были с берданками, но стрелять не хотели. Было постановление общества во всех деревнях, согласованное с ревкомом и поддержанное нашими командирами: в деревне не стрелять, чтобы не вызвать репрессии. Но у Архипа неожиданно случайно выстрелило ружье, румыны перестали преследовать Кляуса. Да, это был смешанный отряд чехов и румын — тридцать пять кавалеристов.

• Во время обыска у моего отца солдат-румын тычет ружьем ему в бок: «Не кажи, батьку, де сын, не кажи, а то капут!».

• У меня и Грачева забрали скот, в Талой — у Непомнящего Андрея...

• После этого, осенью, в Шелехово пришли румыны. Баба Луця (Луца) выдала, что Барчук Максим скрывается где-то в лесу или на пашне. Румыны взяли отца и избили. Он повел их и привел к балагану на пашне, где спал Максим. Сына увезли, а отец сошел с ума и через два года умер.

Тогда же, по указке той же Луцы, взяли и увезли Марфу Балакиреву (Столярову). Это была старая дева, мужик-баба, дочь богатого крестьянина — маслобойщика и столяра. Сама охотилась, работала и топором. Их сначала боялись, но они оказались хорошими людьми. Марфа вела большую работу среди женщин. Поднимет большой палец и говорит: «Вот как будем жить, бабы!». Помогала собирать продукты (у нас был только добровольный сбор).

Ее и Барчука увезли, и никто не знает, что с ними стало, не вернулись. Не вернулся и Толстихин Яков. А вот Зима Федосей вернулся, и его сразу стали подозревать в предательстве, хотели убить. Он вскоре бежал и больше в наших местах не появлялся.

- Был в Шелехово тряпичник Васюков, он разъезжал в ту пору по селам и Тайшету. Узнавал и передавал партизанам, их семьям сведения и кого надо и не надо бояться.

- Белькович всегда назначался командиром карательной экспедиции. Шестая рота была революционно настроена. Еще до организации восстания я, Грачев Борис и тальский Говоров Николай ездили в Тайшет, встретились с неким Беляевым, который специально ездил по заданию партии и организовывал. Вместе с ним была его жена.

ЗИНАИДА ХАРИТОНОВНА РОЖКОВА

(урожденная Кулакова)

**72 года, крестьянка деревни Бузыканово.
Беседа состоялась 6 декабря 1961 года**

Мой муж Рожков Иван Петрович с Ангары. В 1919 году, при чехах, был старостой деревни Бузыкановой, а старосте доставалось больше всех. Помню, после отступления партизан я пошла на Бирюсу проверить корчаги — добыла ельцов, иду в деревню, а тут нагрянули чехи. Их вели Гурнеев и Петров. Они же водили на Уловец румын в серых шапках, когда ловили Привалихина и Ильина. Пристали ко мне: зачем была на реке? Гурнеев кричал: «Вон подол еще мокрый. Кого переплавляла?»

Чехи ехали впереди конные (кавалерия), а за ними обоз. Разместились по всей деревне. Во дворе Гаврилы Кулакова стояли офицеры, ружья составили табором. Двор был большой, зеленый. У Кости Привалихина выгрузили из амбаров весь овес и пшеницу и скармливали лошадям. Часть увезли. Скот хапали. Однажды потребовали корову на мясо. Мой муж, чтобы не брать у крестьян, свою отдал. Берут все — денег не платят.

Бич у нас, по-моему, никогда не жил. Исак Кулаков был в партизанах. Окопы на Ивановом мысу были выкопаны от озера до тайги, до хребта. Так, чтобы негде было белякам пройти.

Верстах в трех выше Бузыканова на берегу Бирюсы была заимка Василия Алексеевича Мутовина — хутор Уловец. В ней осенью 1919 года прятались Костя Привалихин и Борис Оленев. Румыны поймали их и искололи штыками, кололи даже в голову. Костю Привалихина румыны кололи через колодину, поэтому он остался жив. У него было шестнадцать ран.

Оленев пошел вниз по реке в Бузыканово, а Костя вверх — на мыс за Уловцом, где жили на покосе его брат с женой и женой Кости Привалихина, Марфой Прокопьевной. Он нагрянул к ним неожиданно, вылез из воды и всех напугал. Марфа прибежала в ту же ночь к нам в Бузыканово: «Тетка Зинаида, бритва у вас жива?». У моего мужа была бритва хорошая, ей брились все партизаны. Дала. Костю лечили на покосе около месяца.

- Мой муж также хорошо делал лодки.
- Чехи называли старосту «староста».
- Где проходил партизанский съезд, не помню.
- Самым большим домом была школа. Большой дом был у Кулакова Гаврилы.

• На Уловце в ту пору уже жил переселившийся туда из Шегашета Гамзюк (Андрей Михайлович?) с женой Фросей (Ефросиньей Михайловной Корневой, дочерью кемченского крестьянина Михайлы Корнеева).

- Румыны были в серых шапках.

НИНА ИННОКЕНТЪЕВНА КАЛИНИНА (урожденная Авдюшева)

**Родилась в 1895 году.
Беседа состоялась 7 декабря 1961 года**

» Мой отец, бирюсинский крестьянин Иннокентий Родионович Авдюшев, переселился на заимку в бор на правом берегу Бирюсы, недалеко от Винта, когда меня еще не было на свете. Я, самая старшая из детей, первая их дочь, родилась на этой заимке. Из рассказов родителей знаю, что года три отец жил на заимке один, а после к нему на пашню переселились и поставили дом его сестра, вышедшая замуж за Филиппа Сухих, а еще позже Нечаев (Анисим?). У них на заимке был колодец и колодина поить скот.

Свое пребывание на заимке почти не помню, была маленькой. Как рассказывали, однажды приехали три инженера из переселенческого управления и сообщили отцу, что место это и поле отводятся под переселенческий участок. Постройки и пашню заимцы продали переселенцам, отец мой переселился на гору, верстах в пяти, там, где теперь Осинник¹, версты две к Сафроновке. Нечаев перебрался в Сполох, а Филипп Сухих в...

После появилась другая Авдюшева заимка — на Тимерязевой горе у незамерзающего ключика. Сюда перебрался мой дядя, брат отца — Андрей Авдюшев, до этого работавший путевым сторожем, но пожелавший заняться хлебопашеством. У Андрея Авдюшева заимка была небольшая.

Так что в 1919 году была одна Авдюшева заимка, а участок, отведенный переселенцам, назвали официально Авдюшинским, деревней Авдюшиной.

На Бувальчике и Луке были тогда покосы, ставшие покосами авдюшинских переселенцев. Заселены они были позже — в 1908 году.

У моего отца Иннокентия Родионовича был еще брат Петр Родионович, но мать у них не одна, Петр был от второй жены моего деда Родиона. Этот мой дядя Петр Родионович Авдюшев держал в Тайшете фотографию.

На новой заимке наша семья сначала была одна, а потом, когда я стала невестой и меня выдали замуж за бирюсинского крестьянина Якова Калинина, мой муж переселился на нашу заимку, и поставили здесь второй дом. Это было в... году, до революции. (Черневский: «А кто же такие Авдюшевы Константин Михайлович, 1910 г.р., Евгений Михайлович, 1913 г.р., и Всеволод, а также подпольщик Авдюшев Иван (1919 г.)?»). — Е. С.).

¹ Осинник, осн. в 1911 г., по данным на 1926 г., 49 хозяйств.

КУЗЬМА АЛЕКСЕЕВИЧ МАРТЫНЕНКО

**Родился в 1908 году, житель деревни Туманшет.
Переселился с семьей из Белоруссии в 1911 году.
Беседа состоялась 8 декабря 1961 года**

Я немного помню Пузанова, т.к. он был хорошо знаком с моим отцом — Мартыненко Алексеем Яковлевичем (умер уже). Назову лиц, которых, очевидно, хорошо знает Пузанов, и которые могут его заинтересовать. «

Оставшиеся в живых:

1. Елизаров Александр — сирота, тогда лет двадцати, жил у Шапкина как свой и за работника. Живет в Москве.

2. Шапкина Миланья Ивановна, 1907 г.р., дочь охотника Шапкина Ивана, замужем за Кешиковым Василием Никитовичем. Живет в Туманшете.

3. Саулин Степан Филиппович, партизан. Живет в Тайшете.

4. Питиримов Кузьма.

5. Питиримов Филимон, лет тридцати, братья-охотники (первый старший, второй младший), живут в Туманшете.

6. Коляцкий Иван Осипович (живет где-то в Улан-Удэ).

7. Маслаков Герасим (Тайшет, ул. Калинина).

Их обоих как-то поймали румыны и повели на расстрел, но они сбежали.

8. Симаков Роман Филиппович, живет в Черемхово.

9. Антонов Тимофей Яковлевич (жандарменок) — партизан, жив, но где, неизвестно.

10. Антонов Александр, его старший брат, живет в Венгерке.

11. Кешиков Никита, матрос, служивший вместе с Антоновым Тимофеем, партизан, живет на Западе.

12. Мантузов Иван Романович, самый молодой доброволец-партизан, был в Бирюсе. Живет где-то на Востоке.

13. Налпин Петр Семенович, 1895 г.р., партизан.

14. Лукашенко Роман — партизан, живет в Туманшете.

15. Савула Степан, партизан, живет в Тайшете (это и есть Саулин Степан Филиппович!).

Нет в живых:

1. Новиков Василий, партизан.

2. Новиков Арсентий, его брат.

3. Романов Петр.

4. Симаков Андрей, уже тогда старик, жил рядом с Шапкиным. Раскулачен.

5. Судаков Трофим, охотник из Цыганков¹. На его вдове женился Шапкин Иван.

¹ Цыганки, п. у. Цыганок основан в 1905 г., по данным на 1926 г., 25 хозяйств.

6. Шапкин Иван Степанович, охотник и рыбак, жил дома мало, больше в тайге. Добудет несколько колод рыбы и мяса (колода — долбленая при помощи тесла бочка), везет домой — и опять в тайгу. Умер под новый 1961 год.

7. Шапкина Пелагея Дмитриевна (Митревна), первая жена Шапкина Ивана Степановича.

8. Хомяков Филипп.

9. Хомяков Кирсан, братья, охотники и рыбаки.

10. Кеев Михайло Агеевич, основоположник Туманшета, тунгус, лучший охотник, мог съехать на лыжах с Саян на одной ноге, задрал другую.

11. Шведов Иосиф (Осип).

12. Шведов Николай Иосифович, его сын, был у партизан в Бирюсе. Умер в Москве в прошлом году.

Таким образом, из туманшетских крестьян в партизанских отрядах в Конторке и Бирюсе были: Налпин Петр Семенович, Лукашенко Роман, Новиков Арсентий, Антонов Тимофей Яковлевич, Кешиков Никита, Шведов Николай Иосифович, Мантузов Иван Романович, Саулин Степан Филиппович, Маслаков Герасим (Черневский: «А Каляцкий Иван, Каляцкий Антон, Новиков Василий, Вечеря Родион?»). — Е. С.).

ФОКИЙ АНДРИАНОВИЧ ГОРЕНСКИЙ

**Старожил деревни Бирюса,
ныне проживает в поселке Суетиха (ул. Пушкина, 87).
Беседа состоялась 10 декабря 1961 года**

В 1891 году мой старший брат попал в приписку на призыв. В это время через наше село проезжал наследник Николай II. Село до 1910 года (приблизительно) было Алзамайской волости, т.к. Тайшетской волости не было, а стал Тайшет волостью года с 1910-го. Еще тогда, помню я, к нам в Бирюсу, Алзамайской волости, был сослан из Тобольской губернии Сафронов Яков. Позже к нему приехал сын, Софронов Алексей Яковлевич, на своих шести подводах. Мы их прозвали тоболиковские (от названия губернии, откуда приехали). Когда Софронов остепенился, взялся за хозяйство, по примеру наших крестьян-старожилов обосновал себе заимку там, где теперь Софроновка. «

В 1899 году я призывался в солдаты. Всех новобранцев отправили в Нижнеудинск, где были воинский и крестьянский начальники, исправник, судья. Там проходили комиссию и составляли, т.е. отмечали в списке. Кто кругом здоров, писали: «лобовой», кто имел изъян, но признавался годным, отмечали: «второразрядник».

Отбор проходил так: всех негодных отправляли домой, а лобовые и второразрядники тянули жребий. Допустим, лобовых и второразрядников 150 человек, а требуется в команду 80 человек, пишут 150 номеров и бросают в цилиндр, потом раскрутят его, подходишь и тянешь. Рядом стоит воинский начальник и берет номерок, который ты поймал. Развертывает и читает: «Горенский Фокий, номер 91!».

Писарь отмечает в списке против фамилии номер, какой вытянул. И так дальше, пока не вытянут все 150 человек. Потом смотрят в список и вызывают по порядку номеров только лобовых, а второразрядников пропускают. Если лобовых больше 80-ти, оставшихся лобовых и всех второразрядников отпускают домой. Это называется «фарт», значит, посчастливилось. И больше уже на другой год их не берут, все. Конечно, если нет войны. Если же лобовых меньше 80-ти, например 65, то 15 человек доберут из второразрядников, тоже по порядку номеров.

Я попал в лобовые, и нас до Иркутска везли на поезде (тогда дорога была готова только до Иркутска, а дальше только строилась), а от Иркутска до Горного Зерентуя (на китайской границе) шли пешком, Байкал переплыли на пароходе. Обратно я уже от Благовещенска ехал поездом, но Кругобайкальской железной дороги еще не было, и через Байкал шли пешком.

В Бирюсе у нас стоял этап, там было две казармы — одна для арестантов, другая для солдат. Та, что была арестантской, отгорожена высокими плахами, а та, что для солдат, легким забором. Второй этап был в Разгоне, а полупэтапы в Байроновке и Получеремхово. На полупэтапах только ночевали

(Черневский: «Дневали и иногда ночевали». — Е. С.), а на этапах и ночевали и дневали дня два.

Жил я на заимке (Черневский: «Елизаровской заимке». — Е. С.), которая была за горой, версты полторы-две от Авдюшино, возле Мамаевки. Вокруг было много заимок: там, где подсобное хозяйство, на эту сторону лога, была Калинина заимка, где жили Калинин, Зворев (приезжий) и Железняков Яков (тоже какой-то приезжий). По ту сторону лога, где подсобное, — Малинникова и Полежаева заимки, за ними Партизанская, или Москвитина заимка (Гаврилы и Никиты Москвитиных, братьев). На самой Мамаевке — Горенских Ивана, Егора и Ильи; в стороне от них, ближе к Логовскому, Горенского Василия; рядом Кулаковская, дворов десять; по ту сторону железной дороги, где сейчас блок-пост Восточный, — Зорина заимка (Черневский: «Поставил ее в 1920 году, до этого не было!». — Е. С.).

Новая заимка Авдюшева на Осинниковской горе до его переселения была обжитым местом. Здесь издавна, когда я еще был мал, была заимка богатых крестьян из деревни Бирюса Пахорукова Василия Ивановича, Анциферова Василия Ивановича (с женой и сыном Семеном) и вдовы-казачки не из наших мест Кочержихи с четырьмя сыновьями — Александром, Николаем, Дмитрием, Семеном. Сыновья постепенно уходили в казаки и не возвращались. Александр вышел в сотники. Выдав всех детей в казаки, Кочержиха вскоре померла. Потом умер Василий Иванович Анциферов. Жена его года три-четыре похозяйствовала, а потом, когда сын Семен уехал учиться, бросила заимку. Последним умер Пахоруков Николай Егорович, и заимка совсем была заброшена, на нее и переселился Иннокентий Авдюшев.

Во время партизанской борьбы к нам в Бирюсу пришел Бич Иван Андреевич и с ним трое или четверо конторских. Хорошо помню, что были братья Неизвестных Иннокентий и Гавриил. Провели собрание, тут же выбрали командиров: Москвитина Петра Алексеевича, Ковалева Тараса Яковлевича и, кажется, еще Патрина Михайлу. В тот же день на горе за кладбищем поставили посты, и среди первых пошел на пост я (посылали старичков и пожилых, а мне тогда было уже 42 года). Хорошо помню, что со мной был Москвитин Ефим Кузмич, и у него была американская винтовка однозарядная, а у остальных дробовики. Если не в первый день, то потом, но хорошо помню, что ходил с нами на пост купец Мамаев Алексей Михайлович, который жил еще в ту пору в Бирюсе, как и его сын Павел.

О Мамаеве

Жены Мамаева тогда в живых уже не было. Мамаев 25 лет служил церковным старостой и одно время был подрядчиком по дорожному строительству. Духовенство преподнесло ему полушубок и именную трость, с которой он никогда не расставался.

Уехали Мамаевы из Бирюсы после первой бомбежки (в марте 1919 года) в Нижнеудинск. Да, помню, что в начале партизанщины он еще шорничал для партизан. Сын его Сергей (он младше Павла) был где-то офицером. Говорили, что его убили партизаны где-то под Черемхово или Иркутском, но не слышал, чтобы на Ангаре.

По тракту в ту пору перед деревней были так называемые трактовые ворота и будка. Вот у этой будки и были первые посты. От них видать кривляк. Потом стали класть бороны, а еще позже рыть окопы.

Второе наступление на Суетику

Мне пришлось участвовать во втором наступлении на Суетику. Помню, меня тогда сняли с поста. Было человек девяносто и четыре подводы. С подводами, т.е. с санями, на своих лошадях пошли я, Горенский Михаил, Москвитин Ефим Кузьмич, а четвертый — работник псаломщика. Возглавлял Яков Москвитин (наши бирюсинские командиры, избранные в первый день, командовали не долго, их сменил Яков Москвитин). Это было перед весной, по мокрому снегу. Отправились через болото, без разведки. Вдруг бежит собака! Передовые перепугались — и бежать. Бросаются на подводы. Потом опомнились, послали разведку. Подошли к линии, нас оставили в лесу, а партизаны пошли. Но с моста их заметили и открыли стрельбу по направлению линии и Нахаловки, а не в нашу сторону. Пришлось отступить. Жертв не было. (Вот тогда был Сорокин Николай и Зайцев.) В этой операции пострадавших не было, только один партизан, перебегая линию, упал и ушиб ногу о рельсу.

- Я жил зажиточно, у меня было тридцать десятин пашни. Земли пахали сколько хошь, скота держи без всякого тоже сколько хошь, за десятину налог 30 копеек, а со скота — ничего.

- Михайло Патрин был уже пожилой, правая щека у него была в рубцах от ожога. Курил трубку.

ЕВДОКИЯ АРХИПОВНА СМОЛИНА

(урожденная Каверзина)

**Крестьянка из деревни Хая на Чуне.
Беседа состоялась 18 января 1962 года**

В 1919 году мне было 18 лет, я была еще девушкой и жила с отцом — Каверзиным Архипом в деревне Хая на Чуне. В Хае было тогда дворов пятьдесят. Деревня была богата фамилиями: Каверзины, Поповы, Безруковы (Безруких), но партизан Илья Безруков был из Кадареи. Из нашей деревни тоже были партизаны, но кто, я этого точно не смогу сказать, не знаю.

Престольный праздник в Хае был Троица, в Петропавловке — Петров день, в Лапино — Девятая пятница.

В Хае иногда бывали партизанские разведки и подолгу жили в деревне, белые же никогда не доходили. Но недалеко от нас были деревни Федина и Плахина на Бирюсе (Она). И я знаю, что в Плахиной белые были и повесили много крестьян. А к Фединой подходили только до хребта, пять верст до деревни.

Хая — последняя деревня в низовьях Чуны, за ней было уже пустопелсье. Относилась к Пинчугской (Богучанской) волости, но по большим и престольным праздникам наши и фединские ходили в церковь в Петропавловку. Это ближе, чем в Богучаны, да и церковь в Петропавловке была красивая, хотя и в Богучанах неплохая. В Кондратьево была только часовенка, хотя деревня была больше, чем Петропавловка, где всего дворов пятьдесят, как и в Хае. Лапинские и покатеевские ходили в шелаевскую церковь.

Особенно много людей съезжалось в Петропавловку в Петров день: от Неванки до Хаи по Чуне, с низовьев Бирюсы (Федина, Плахина и др.) — кто на конях, а кто пеший. Коней переплавляли с левого берега на правый берег Чуны.

Попом был отец Василий.

Моя свекровь Рукосуева Харунзья Аверьяновна. Первый муж у нее был Смолин Константин, петропавловский учитель, за их сына Смолина Тимона Константиновича, 1903 г.р., я позже, уже при советской власти, и вышла замуж. Она жила рядом с церковью и рассказывала много интересного.

Жил в деревне мужик по имени Январь (фамилию не помню), который все любил говорить: «Пока я живу, и церковь будет, а помру, и церковь со мной помрет». Так и случилось. Помер Январь, стали его отпевать в церкви. Отец Василий или дьяк повесили кадило на крюк на стене. А церковь была рубленая, не штукатурена. Пакля возьми да загорись. Свекровь была там же с Тимкой. Тот первый и заметил: «Мам, горит». — «Цыть ты».

Пламя быстро распространилось по стене. «Покойник-то колдун!» — закричали люди. «Выбросьте к черту эту падину!» — закричал в гневе поп.

Января выволокли, чуть не бросили за воротами, аж встряхнули. Так и не отпели толком. А церковь сгорела. В панике вытаскивали добро. Закачалась колокольня, первым рухнул большой колокол, потом остальные пять. Было это перед войной, году в 1910-м...

Видный партизан Иван Смолин не из наших.

АФАНАСИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ ШКРЕДОВ

(Панас Шкрид)

Родился в 1898 году.

Семья переселилась из Могилевской губернии в 1911 году.

Партизан, житель деревни Ингашет.

Беседа состоялась 10 февраля 1962 года

Мы переселились в 1911 году с семьей: отец Леонтий, мать Матрена, брат Степан, я и сестры. Ходоком у нас был Шалыгин (Шалыга) Федор. Деревня заселялась в разгаре, по улицам негде пройти, пни и лесины, но уже дворов было много. «

[Жители деревни:]

- 1) Шкредов Афанасий Леонтьевич, 1898 г.р.,
- 2) Шалыгин Константин Федорович (с отцом Федором),
- 3) Горегляд Максим Иосифович (с матерью Христиной, братьями и сестрами Татьяной, Александром, Дмитрием и женой Акулиной),
- 4) Горегляд Никанор Лукьянович,
- 5) Горегляд Василий Адамович,
- 6) Кулешов Филипп Петрович (партизан),
- 7) Дворянинович Яков Федорович,
- 8) Крышка Кондрат *Ефимович* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.),
- 9) Федоров Константин Федорович,
- 10) Лялин Данила,
- 11) Селивановы,
- 12) Кулешов Кирилл с женой Зосей, сыновьями Филиппом (не партизан) и Максимом (партизан),
- 13) Кравченко Андрей Романович.

(Черневский: «В Ингашете было два Кулешовых Федора». — Е. С.)

Отец Максима Горегляда, Иосиф Горегляд, привез из Белоруссии много товаров — гвозди, хомуты, сбрую и пр. Он хотел на новом месте разбогатеть, все раздал в долг, но ничего не получил.

Потом завел бланку (?). Вся семья уехала в Конторку. Станки¹ у них были в Сохатово, Догодаевке и Шелехово, он держал прогон Конторка — Шелехово. Везде у них были наемные люди, стряпухи. Покупал коней по 150 рублей, зажили богато. Но работники коней загнали, он вскоре обанкротился. Разорившись, Иосиф приехал в семьею в Ингашет и привез восемнадцать лошадей.

Бывало, выйдет в кальсонах и греется на солнце, и все молчит. Не пил. Потом заявил: поедет на заработки, заработает, привезет товару, а все равно лавочку откроет и купцом заделается. Уехал еще перед германской войной — и с концом.

¹ Дорожные станки (небольшие почтово-багажно-пассажирские станции на тракте).

У Максима была мать Хритинея, брат Александр (1900 г.р.) и младший брат Дмитрий. Вся тяжесть легла на Максима. Правда, взялся Максим за работу — нанимался косить, сено метать и возить и получал за это хлебом. Ожили. Потом Максима взяли в армию. Когда вернулся, перед партизанщиной, женился на дочке Кириллы Кулешова, зажиточного крестьянина, Акулине (Кулина). А сам стал уводить от тестя потихоньку кабанов, что спали ночь на завалинке. Увел одного, второго... Однажды мать Акулины, Зося, пришла к ним в гости, а дочка потчует ее мясом. «Ой, Кулина, у вас мясо, а в нас нема. А деж тий вы мясо узяли?» — «Ой, казала бы таби, да Максим убиет». — «Та я никому не скажу». Та рассказала.

Старуха дома: «Ой, Кирилл, а що я взнала!» — «А що?» — «Сказала бы, да не можу...» Рассказала. «Ну, хай едят».

Старик сыну Филиппу тоже рассказал. Пришел Филипп к Максиму. Мимо я прохожу. «Геть, чертов Шкрид, зайти сюда». Налил самогону: «Пи, пей. Ишь. А шо ты иси? А чье це мясо? То мое мясо, мий кобанчик. Зараз Максим сниме свои сини штаны за той кобанчика».

Максим в окно — и драла...

В 1917 году в январе меня призвали в армию в Иркутский 12-й полк, 9-ю роту. Там застала Февральская революция. Ходили на разгром тюрем на Большую улицу, за Ушаковку, а потом и на Александровский централ.

Затем фронт, Латвия. Погнал немец, отступали до Пскова. За Псковом немца задержали. Меня отравило газом, и я попал в госпиталь в Питере. На летучей комиссии получил отпуск на лечение в тылу на месяц. Приехал домой. Отсюда в Канск. Здесь комиссия назначила на лечение в госпитале (располагался в винном складе). Пролежал восемь дней, назначили в красноярский госпиталь, но из-за отсутствия мест задержали в Канске. По выздоровлении назначили в 6-ю эвакуированную роту в Канске. У командира роты выпросил отпуск на три дня, но пробыл дома пятнадцать.

Вернулся. Нас направили в Иркутск на подавление юнкерского мятежа. Подняли в ружье, человек семьсот (числа 10 октября?). Воевали десять суток. По возвращении в Канск — 25 суток отпуска. Отпуск отбыл, опять вернулся в Канск. Снова комиссия. Там в Совете солдатских депутатов был наш ингашетский Коприлев Иван Петрович, который мне помог уволиться в долгосрочный отпуск, и в феврале 1918 года я окончательно вернулся домой. Никого из наших местных со мной в части не было.

Перемен в деревне не замечали, советская власть вроде и не дошла до нас. В августе 1918 года при первой мобилизации белогвардейского правительства нас, человек пятнадцать ингашетских, призвали в Белую армию. Старостой у нас был в ту пору Кругляков Мартын. Призывался 1898-й и 1899-й год. 1898 года рождения я, Шкредов Афанасий Леонтьевич, Горегляд Максим Иосифович, Савицкий Петр, Железовский Леон.

У многих не оказалось метрик, они сгорели вместе с Конторской церковью в 1908 г. (1910?). Хоть потом они и поставили себе разные года рождения, но причислили всех к 1898—1899-му. Такими оказались: Козлов Иван, Малощицкий Иван, Путухов Иван Ефремович, Бурван Захар, Кругляков Демид

Мартынович, Морозов Андрей Фокеевич, Климович Степан Ильич, Медведев Павел Андреевич, Шкредов Степан Леонтьевич (мой брат).

Нас отправили в Канск на призыв через Тайшет, по железной дороге. Всех зачислили в 6-ю роту. Не обмундировали. Через четыре дня Максим Горегляд заболел тифом, и я его повел в санчасть. Положили в госпиталь. Через двое суток заболел и я, и в госпитале встретились, лежали вместе. Через месяц обоих выписали, мне дали справку на три дня освобождения, а Максиму на семь.

Пришли в казарму — никого нет, а сундуки наши стоят. Оказывается, наша рота отправлена на фронт. Забрали в чехаузе (коптерка, значит) свои сундучки — и на станцию, удирать домой. Под Иланской — проверка документов: «Дезертиры, арестовать». Второй проводник сказал: «Пускай едут».

Под Тайшетом опять проверка — зря не сошли в Венгерке. Мы лежали на одной верхней полке. Первым слез Максим, подает справку. Его арестовали. Проверяющие оставили одного с наганом, а сами прошли дальше. Тот стягивает меня с полки, а в руке наган и справка Максима. Я слез, надеваю рубаху. Внизу какой-то пассажир пьет чай, в чайнике кипяток. Поезд уже замедлил ход, подходя к Тайшету. Я хватаю чайник и бью им в лицо охранника, сбил с ног, кипяток выплеснулся на него. Максим выхватил справки, и мы на ходу спрыгнули.

Была полночь. Полезли под вагоны, расцарапали лица, выбрались на тракт и подались на Серафимовку. Сентябрь. Холодно, мы в одних рубашках. В Шелехово (?) заночевали у Максимовой родни. Там же ночевал еврейчик из кооперации по фамилии Гордашник. Утром он на своем ходке довез нас до Ингаша.

Живем дня три дома. Узнает староста, Мартин Кругляк, приходит: «Уходите, вам не место в деревне, а то выдам». Собрались вместе с Максимом, подписали и приходим к старосте: «Ты нас не бачил и не выдашь, а то голова долой!».

Живем, прячемся по полям и в тайге. Уборочная прошла. Наступила зима. Старостой стал Никанор Есипёнок, пожилой крестьянин, знахарь, лечил травами от малярии-лихорадки, за что его прозвали Лихорадочный. «Бережитесь, а я вас не выдам».

Зиму пришлось жить в деревне, но дома не ночевали, а по соседям. К моменту открытия Бирюсинского фронта из колчаковских дезертиров, кроме нас двоих, были еще лишь...

Мы с Максимом собирались уходить к партизанам, но вскоре сам Бич приехал в Ингашет. Об этом мы узнали от Федота Тимофеевича Офицера, который вызвал к себе. Кроме нас четырех — никого. Поговорили. Бич выяснил настроение, и в тот же день в сельской собрали собрание. Народу было много. Горегляд Василий Адамович на этом собрании сидел молча, не высказывался и ничем себя не проявил. Избрали организаторов — Офицера и трех его помощников: Крышку Кондрата (ему поручили вести работу в Талой), Лялина Данилу (поручили Рождественку) и Дворяниновича Якова Федоровича (поручили Ингашет). Сам Офицеров взялся подготовить шелеховцев.

Вскоре всех собрали в Шелехово на общий сбор, положивший начало партизанскому отряду. По предложению Офицера командиром отряда избрали Василия Горегляда (здесь он уже активно выступал). Сначала было

решено сделать Шелехово центром и местом стоянки главных сил. Избрали штаб (военно-революционный комитет) во главе с Офицеровым. В него вошли также Кляус Иван Миронович и Евсеев (Елисеев, Лисеев) Филипп.

На Лысую гору послали посты, а главные силы остались в Шелехово. Всего было сначала пятьдесят человек, главным образом ингашетские, тальские, шелеховские. Но вскоре решили перебазировать вооруженные силы в Серафимовку, а штаб оставить в Шелехово. В числе первых добровольцев из ингашетских были (кроме организаторов): Шкредов Афанасий, Горегляды — трое, Шалыгин Костя, Климович Алексей Ильич, Меренков Парфен Наумович.

В Серафимовке все пятьдесят человек разместились в школе. При школе жила учительница, пожилая, вся седая, лет шестидесяти, а то и больше. Она жила одна. У нее в квартире стояли на замке три больших сундука. Решили описать ее имущество, вскрыли сундуки. В комиссию из трех человек попал и я. В двух сундуках оказались вещи: шелковые платья, два офицерских новеньких костюма с полковничьими погонами, много золотых вещей — кольца, браслеты, брошки, медальон «сердце» и др. В третьем сундуке посуда...

Меня назначили в лыжную команду по ломке железной дороги. Помню, со мной в лыжной команде были:

- Шалыгин Константин Федотович,
- Рукоусев Терентий,
- Чипунов Лазарь, тальские оба,
- Мошатенко Семен,
- Лизунов,
- Свитин Дмитрий, с Надежденского участка эти трое,
- Шкредов Степан,
- Артюх (у него у железной дороги пробило шапку).

Первый наш рейс был на блок-пост между станциями Байроновка и Николаевка, где мы вооружились инструментом, необходимым для будущих диверсий. Взяли много ломов, лап, ключей, молотов. Затем стали ломать дорогу, разбирать пути. Но разбор обнаружился, и поезда останавливались, не попадая в крушение. Это нас не устраивало, и тогда мы стали только расширять рельсы, и начались крушения. Мы делали засады и обстрелы. Однажды спустили под откос броневик и добыли десять винтовок, с тех пор я вооружился боевой винтовкой. В общем под откос спустили до шести эшелонов.

Однажды, вернувшись с диверсии, мы увидели около школы подводу и на ней сундук. У подводы Н.Г., М.Л. Потом вышли М.Г. и учительница. Н. остался, а М.Г. и М.Л. сели и поехали вместе с учительницей в направлении Шелехово, якобы в штаб. Потом оказалось, что в тайге М. велел учительнице слезть и идти в лес. Она стала просить: «Я все понимаю. Зачем вам моя жизнь, берите все». Но М. изрубил ее шашкой. М. Л. не ожидал этого, от страха бросился бежать. Это был самосуд. Было это уже по сухопутью, в грязь, перед тайшетским наступлением (Черневский: «Нет, после!». — Е. С.).

Накануне тайшетского боя Федот Офицеров провел мобилизацию. В мобилизацию попал и мой брат Степан Шкредов. В Тайшет отправилось много людей, было много мобилизованных. Меня и Константина Кононовича Козлова (тальского) направили на связь в Старый Акульшет. Мы пробирались

туда на лыжах (?) через Надежденский участок. А оттуда выступили с акульшетцами. Еще до начала боя нас и двоих акульшетцев послали на станцию поджечь ее. У всех у нас на ремнях висели винтовки.

Мы взяли бидон керосина. Когда начался бой, все военные выбежали из станции, там оставались только гражданские и пассажиры. «Выходите все, поджигаем станцию!» Разбили шкаф, выбросили дела и разные бумаги, облили керосином и подожгли, а сами вышли.

Я и Козлов стали пробиваться к своим. Наши лежали далеко, метров за семьсот от вокзала, и «пукали» из дробовиков. И мы откатились назад, все вернулись в Серафимовку, не потеряв ни одного человека в этой операции и не имея ни одного раненого. Имеющиеся у вас сведения об убитых и раненых из Серафимовского отряда не соответствуют действительности.

Если мне не изменяет память, в Тайшетском наступлении со стороны Серафимовки участвовали (кроме меня и Козлова К.К.):

Ингаш:

- Медведев Павел Андреевич, Шкредов Степан Леонтьевич, бежали от Колчака после меня, но раньше Шанчука и др.,

- Кулешов Филипп Петрович (нет, только при отступлении),

- Горегляды — трое;

Шелехово:

- Каючкин Петр Архипович, 1897 г.р., ранен не был,

- Лапирос Митрофан Семенович, Кляус Петр Никифорович,

- Симутин Ефим Павлович (горе-партизан), Барчук Максим Иванович, 1898 г.р., боевой;

Серафимовка:

- Дыдалев Александр Никитович, 1892 г.р., Чуяшов Роман (очень храбрый), Чуяшов Иван, Быков Федор (живет в Тайшете), Хвощевский Егор, Бурнашов Петр;

Талая:

- Непомнящий Андрей Родионович, Толстихин Яков Павлович, 1894 г.р., Крюков Сергей (или Яков) Григорьевич, Беляев Ефим, 1870 г.р., один из организаторов в Талой,

- Агапичев Николай,

- Шипунов Иван Трофимович,

- Громоглазовы Роман и Евлантий Васильевичи (горе-партизаны),

- Минаев Петр, 1894 г.р.,

- Зима Федосий Васильевич, 1894 г.р.,

- Морозов Тимофей Андреевич, лет 24-х,

- Долгополов,

- Шипунов Лазарь;

Георгиевка:

- Якименко Филипп Прохорович, 1896 г.р., Грачев Борис Антонович, 1898 г.р.,

- Шалыгин Константин Федорович (живет в Тайшете),

- Матушенко Семен Степанович,

- Лисин,

- Свитин Дмитрий,

- Рукосуев Терентий Митрофанович, 1899 г.р.,
- Климович Алексей Ильич,
- Маренков Парфен Наумович,
- Дворянинович Федор Яковлевич,
- Зибарев Гавриил Макарович (Максимович? этот даже шинель бросил в

Тайшете),

- Савицкий Петр Станиславович,
- Жаров Василий Захарович (плохой партизан),
- Коприлев Антон Петрович,
- Артюх Григорий Пантелеймонович,
- Справников Архип Васильевич, 1894 г.р.,
- Ширяев Григорий,
- Федоров (Груздов) Константин Ефимович;

Байроновка:

Агапитов Павел.

Что касается других, названных иными товарищами, а именно Тарасенко Марка Петровича, Назаренко Леонтия, тальских, то я о таких вообще не слыхал.

- Шатунов Иван — серафимовский.
- Справников Архип Васильевич (этот был!).
- Брюханов Дмитрий Константинович (такого не знаю).
- Янченко Василий Лукьянович, 1898 г.р., из деревни Красный.
- Козлов Иван Егорович, 1897 г.р.

- Малощицкий Иван, Петухов Иван, Кругляков Демид, Шанчук Василий Яковлевич и некоторые другие — об их участии я ничего сказать не могу и в таком сомневаюсь. Не видел я никогда и Мясникова Ивана Еф., 1887 г.р., ничего не слышал о Швецове и Грибанове Павле и тем более о их гибели.

(Черневский: «По Дыдалеву, Непомнящий А.Р., Толстихин Яков Павл., Крюков Сергей Гр., Каючкин П.А., Дыдалев А.Н., Чуяшовы Роман и Иван, Быков Федор, Шатунов Иван, Хвощевский Егор — это все бойцы 2-го взвода, участвовали в тайшетском наступлении, причем командирами 2-го взвода он называет Непомнящего и Каючкина. Взвод наступал через л/з». — Е. С.)

Ничего я не знаю и об участии Филатова Афанасия (тальский), Кончаленко Антона (еланский), Чекалова и Парошина (тальские), Козловых Григория и Степана (серафимовские) — дом их отца сожгли, Климовича Степана Федоровича, Брюханова Степана Григорьевича (Самолетов), Грязновского Филиппа (из Еланки), Титова Григория, Черткова Ивана Григорьевича, Кляуса Аркадия (эти трое шелеховские), Бурвана Михаила (шегашетский), Дмитриченко Степана, Парчикова Михаила Григорьевича.

Мне известно, что Козлов Иван Егорович, 1897 г.р., Шанчик Василий Яковлевич, 1894 г.р., Малащицкий Иван пробирались из колчаковской армии значительно позже, когда мы уже стояли на Горбатом мосту (Красный мост), и здесь только ели мясо (после тайшетской операции).

Кулешов Филипп Петрович участвовал только при отступлении белых зимой 1919—1920 гг., он был лет 25-ти.

Дыдалев А.Н., хотя и говорят, что был ранен на базаре у церкви в левую руку, но это враки. В бою он был, но ранен не был.

В последнее время был немного в отряде и Брюханов Петр, тальский.

Крюковых четыре брата, но, насколько мне известно, в партизанах был один Яков, а Сергей, Василий и Иван нет.

Помню, одним из первых партизан был Мурженко из Шелехова.

Петухов немного лежал в госпитале в Канске с нами, но выписался раньше.

Куракин Павел (но не Петр) имел не большое отношение к партизанскому движению.

Вскоре после Тайшетской операции мы отступали на Горбатый мост (Красный мост). Там переизбрали командира отряда и вместо Горегляда Василия выбрали Толстихина Якова, но Гореглад и его сторонники объявили себя отдельным отрядом.

На Горбатом мосту в шалашах из еловых веток простояли недолго и вернулись в Шелехово, а оттуда, по существу, все разбежались и группировались: одна группа вокруг Горегляда в Ингашете, вторая — в Талой.

Поваром на Горбатом мосту был Ефим Беляев.

О братьях Селивановых

У старика Селиванова Семена было четыре сына — Петр, Иван, Осип и Артем. Артем жил отдельно своим хозяйством, а остальные трое с отцом. Они жили на третьей улице, их соседом был Кулешов Кирилл с сыном Филиппом Кирилловичем (не партизаном). Кирилл был тестем Максима Горегляда.

Филипп однажды избил Петра Селиванова, парня лет двадцати. Тогда Петр залез на чердак с берданой (дробовиком), подкараулил, когда мимо проезжал с сеном Филипп, и выстрелил в него, ранил. На помощь прибежал Василий Адамович Горегляд, полез на чердак. Петр и в него выстрелил — ранил. Тут и начался поход Гореглядов против Селивановых.

Петр, Иван, Осип — все трое решили уехать в Тайшет. Оттуда они приехали за имуществом в сопровождении отряда румын. На этом основании, по приходу Красной армии, Горегляды донесли на них как на предателей. Всех троих арестовали и расстреляли. Артем позже был раскулачен, но сейчас живет в Камышете.

Две истории

Однажды, часа в два ночи, приехали в Ингаш румыны, а я ночевал в амбаре вместе с надежденским Семеном Машутенко, который скрывался у меня. Вдруг собака стала кричать лихоматом. Мы забросили свои винтовки на вышку (чердак), а сами бросились в огород в картошку.

Во двор вошли румыны, стучат в сени. Вышла моя мать Матрена. «Де большевики?» Ударили мать прикладом, брату Степану всыпали три шомпола, а отца не тронули — он лежал на кровати и не поднялся.

От нас пошли к Максиму. Избили его мать Христину (Максим в это время скрывался в поле). От них пошли к Василию Горегляду. Забрали у них пару лошадей и кабана, хотели спалить. Офицера тоже дома не было, и у него забрали пару коней и кабана. Пришли к старосте Осипенко (Есипенко) Никанору. «Де спрятались большевики?». — «У нас нет большевиков». — «Де партизаны?». — «Нет и партизан, наш народ весь дома, в поле». Его сильно избили, но он никого не выдал.

Еще один случай. Дочь шелеховского Павла Семуты, красавица Солоха², добровольно вышла замуж за румынского унтера или фельдфебеля и жила с ним в Тайшете. Мы подозревали их в выдаче наших людей. Однажды я и Машутенко, придя из лесу, пошли на вечеринку к Морозову Фоке. Дом окружили румыны — это было днем. Вдова, солдатка Меланья Чегунова зовет меня: «Панас, ходи сюда». Я сел к ней на колени. Ворвались румыны, хватают меня: «Большой, выход!».

Машутенко Семен убежал. Костю Шалыгина не тронули. С румынами был Солохин муж, фельдфебель. Мои сестры в плачь. Меня вывели два румына, охраняют. Другие ушли по деревне. Румыны спрашивают: «Где достать кумушки?» — так называли самогонку.

Я повел их к шинкарке³ Краснобаихе на среднюю улицу. Выпили бутылку, другую, третью. Расплачиваются.

У меня под рубашкой был револьвер и кинжал. Вытряхнул — и на них. Ружья лежали в углу. Они заявили, что отпустят, я им не нужен. Я согласился, сел. Они схватили ружья и не отпускают меня. Повели. У переулка я бросился бежать в коноплю — они стреляют, я на гумно, оттуда в рожь, затем в болото и за ним в пшеницу. Вышел на Шелеховскую гору, наблюдаю. Когда румыны ушли из деревни, вернулся.

О Гореглядах

Василий Андреевич Горегляд был страшно ленивым человеком. Он был грамотный, но бесхозяйственный, любил слоняться без дела. По своим мародерским замашкам ничем не отличался от Максима и Никанора. В период развала вместе с ними занимался нехорошими делами.

Однажды, когда я мылся в бане, они все трое пришли и говорят: «Помылся?» — «Помылся». — «Собирайся». — «Куда?» — «В Шелехово, заберем у Михаила Романовича нетель и кабана». — «На это не пойду». Стали угрожать, но я не пошел. Подбивали Костю Шалыгина, но и тот отказался.

Явившись ко мне в другой раз, снова приказывают идти с ними к Романовскому. Я отказался. «Сдай винтовку». Отдал. «Снимай бродни». Снял. «Снимай рубаху». Все забрали. Если бы я знал пути к партизанам в Шиткино, ушел бы. Костя Шалыгин был парень здоровый и ухарь, с ним так поступить они не могли.

В их группе было много мародеров, в том числе Ферес, который ограбил Кравченко. Правда, они его расстреляли.

Меня преследовали. Однажды на вечеринке набросились все трое с ножами, я убежал. Максим, еще будучи в Серафимовке, убил на заимке одного тайшетского крестьянина и его сына (те скрывались от белых), ограбил их.

После победы он убил знакомого еврейчика Гордашников. Они выехали из Тайшета вместе, впряжены были клячонка еврея и серый конь Максима.

² Солоха — имя, по Словарю В. И. Даля, означает «нерасторопная, неряха».

³ Шинкарь (шинкарка) — владелец шинка — питейного заведения или постоянного двора с продажей крепких напитков.

Между Серафимовкой и Шелехово Максим вдруг распряг лошадь и поехал верхом. А потом устроил засаду и, пропустив еврея с сыном, выстрелом в затылок убил его, ограбил, вытащив 250 рублей (он в Тайшете видел, что тот получил 500 рублей). Сын, испугавшись, погнал лошадь. Максим его не тронул, но как-то обогнал на гари ночью и прибыл в Шелехово раньше. Этим и оправдался. Впоследствии его не раз судили и наконец расстреляли как врага народа.

О моей молодости

Еще до армии я гулял с Мариной Егоровной Козловой, сестрой Козлова Ивана Егоровича, но на фронт мне написали, что она спуталась с другими, по возвращении я от нее отошел. Стал прихлестывать за Татьяной Кругликовой. Полюбилась она мне — девка красивая и согласная. Но отец, бывший староста, и Демид, брат, против, и мать тоже — я был очень беден, а у них даже белые, румыны гуляли. Пошел свататься — они меня выгнали. Тогда я сговорился с Татьяной и «привожу» ее домой к матери. Осталась ночевать. Кругляковы все трое пришли, угрожают, но она не ушла. Тогда они подкараулили меня ночью, когда я вез сено, и хотели напасть. Я с братом Степаном разогнал их вилами, а дома сказал Татьяне: «Иди домой, не хочу я, чтоб твой родитель да братан меня из-за угла пришибли. Это мне не способствует».

Так и кончилась наша разлюбовь, а сам Демид Кругляков ходил за Татьяной Меренковой.

- Николай Лукич Горегляд жил с отчимом. Был нищ, грязен, как трубочист, ну, одно слово, чухрей, хотя и мой дружок. Зову бывало к девкам, а он: «А как харя моя?» — «Умойся».

В Красной армии учился, вступил в партию, был командиром эскадрона, потом кавалерийского полка.

- После партизанщины я болел и на Врангелевский фронт не попал. В Отечественную войну был в Румынии.

- Меренкову Науму было 70 лет.
- После Офицеров Федота в ревкоме был Евсеев Филипп.
- У Гореглядов Адама, Осипа, Луки был еще четвертый брат — Лаврен.
- Серафимовский староста Ковалев Андрей был человек и нашим и нашим, ему особенно не доверяли.

Говор рассказчика

- Би (бий) — бей.
- Здестэй стороны — в этой стороне.
- Листокада — эстакада.
- Совбес — собес.
- Облакада — блокада.
- Исправительное бюро — справочное бюро.
- Нушты руссешты — «по-русски не понимаю».
- Молдованешты руманашты штты — «понимаю по-молдавански, по-румынски».
- Нуй — нет, нету.
- Лакты — молоко.

ЕГОР СЕМЕНОВИЧ ГОРЛАЧЕВ

**Родился в 1900 году, бывший житель деревни Шегашет,
партизан, ныне живет в Тайшете.
Беседа состоялась 14 февраля 1962 года**

» Жили мы очень бедно, матери не было — я, старшие братья Анисим и Нестор и сестры. В деревне было много ссыльных, больше латышей. Они часто собирались у моего отца, получали газеты и книги. Я прислушивался, они научили меня грамоте. Ссыльных было человек пятнадцать.

В германскую войну забрали братьев, Нестор погиб, а Анисим вернулся, когда уже кончилась война.

Помню, были в деревне какие-то листовки. Стал наезжать Бич. Нам, молодежи, велел собирать порох, свинец, капсюли, а когда мы собрали 18 фунтов свинца и 4 банки пороху, сказал: «Теперь приглядывайтесь, у кого какое оружие, учтите его и готовьте к нему пули и патроны».

Стали лить. Со мной в группе были Гусенок Никита, Осташков Василий, Ольховка Терентий и др. — всего десять человек. Старшим был Ходя — Силин Трофим Яковлевич.

В феврале 1919 года приехал Бич, сказал: «Готовьтесь».

В Маслину (Масленица) молодежь гуляет, катается. Приехали Бич с черчетскими и черенгачетскими ребятами. Велел старосте запрягать лошадей. А мы гуляем, потом все сели по саням и поехали. Заехали в Кемчено, там еще погуляли, захватили оттуда пять человек — и в Шиткино сквозь ночь. Там нас встретил Свенский, разместил по избам. Мы, пять человек (что уже названы), в крайней избе угловой, что пустовала, напротив Джогина. Свенский доставил продукты. Живем дня два.

Всего нас приехало тридцать человек. Точно помню, что были черчетские Чемоданов Афиноген и Николай.

Пост поставили только на нижнезаимской дороге. «Едут!» — это едет на санях нижнезаимский мужик. Он сообщил, что в Заимке был отряд, арестовал подпольщиков и поехал в Шиткино другой дорогой, через Кавказ и Заречную. Не успел он прискакать — вот и отряд с Заречья. Все на санях.

Наши рассыпались. Мы, пятеро, остались во дворе, заняли оборону, проделали дыры в заборе. С реки к нам по переулку едут трое саней, а остальные по реке свернули на северный край, к посту.

Ходя велит первую подводку пропустить, а по второй стрелять. Так и сделали. Один свалился (я убил). Лежит, винтовка четырехлинейная рядом валяется. Охота взять, но Ходя не велит. Остальные проскочили к мосту на соединение со своими. Там тоже бой.

Где были наши остальные, не знаю, и были ли зареченские, не знаю, но митинг перед этим был. Белые отступали через реку от моста. Потом сбежались наши, когда белые удрали. Высыпали все на улицу. У моста были убиты тоже один или двое.

Тут приезжает Бич (бой был часов в 10 утра, а Бич приехал часов в 10—11). Наши говорят, что в одной избе солдат, — оказалось, мальчик. Заходим, разоружаем. Он сдается, говорит, что нарочно остался (Николай Большаков?), еще сообщает, что в одном доме раненый офицер с денщиком. Пошли. Разоружили. Офицера Бич приказал в реку. Тут из ворот (лавочника Александра Финтиля?) выскакивают водчики. Их перехватили. «Так вы, стало быть, беляков на нас навели?» — спрашивает Бич. Их расстреляли — и в прорубь.

Шиткинские никто к нам не присоединился, прибыли нижнезаимцы, и мы ушли в Шемякино. Там стояли два дня. Приходят делегаты от шиткинцев, просят партизан вернуться в деревню. «Нет, — сказал Бич, — ваши никто к нам не присоединился, отряд будет чувствовать себя в деревне среди чужих, как в окружении». — «Да все теперь пойдут. Уже организовались». — «Так пусть сюда идут».

Из Нижней Заимки с Бичом большой отряд пошел в Конторку. Бич составляет охрану у домов, но не у всех, а у подозрительных, чтоб никто не выходил. В этих домах арестовали несколько богатеев (Лобнины двое, Сидоров Алексей Сергеевич и др.). И отряд снова ушел (со всех концов бежали люди с ружьями). А уже потом пошли отряды в Акульшет, Гоголевку. Я попал в Гоголевку, командиром там Прокопий Кривоуцкий. Участвовал в наступлении на Тайшет.

Забыл сказать, что я все-таки у убитого в Шиткино солдата — подкрался к нему ползком — взял винтовку и снял ремень. При раненом офицере взяли ящик гранат и ящик патронов, у взятого в плен солдата тоже висела граната.

Со мной на Гоголевский участок пошли также Погодин Григорий, Аблиц Семен (*шегашетский черенгачетский*) (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.).

Ходил я на Ангару до Кежмы. Там отряд в 110 человек разделился. Евдоким Кочергин с частью отряда вернулся, и я с ними, на Бунбуйский мост (Черневский: «Прав Верхотуров!». — Е. С.), а Костя Москвитин пошел на Паново.

С Бунбуйского моста стали разбегаться, но стояли там долго (очевидно, и Мамаев был). Я пробрался домой и лето скрывался, а осенью опять пошел на Иванов мыс и в Шемякино, где командиром небольшого отряда был Глушнев (6-я рота).

- Когда нижнезаимский мужик ехал, мы выскочили на гумно за дорогу, а когда тот сказал, что едут белые через Татарский участок, рассыпались по дворам и наша пятерка заняла свою избу.

- На хуторе жил Бутовец Карл.

НИКИФОР (НИКАНОР) АЛЕКСЕЕВИЧ МЯДЕЛЕЦ**Родился в 1902 году, глинский****ЕФИМ АКАТЕЕВИЧ БРЮХАНОВ****Родился в 1904 году, шиткинский****НИКОЛАЙ ПОТАПОВИЧ ИВАНОВ (ПАТАШОВ, СТРАУСОВ)****Родился в 1909 году, шиткинский****Беседа состоялась в деревне Шиткино 1 марта 1962 года****ИВАН АФРИКАНОВИЧ БУРМАКИН****Беседа состоялась 2 марта 1964 года****В изложении А. Ю. Черневского**

Н. А. Мяделец рассказывал, что он хорошо помнит Богдановича и Коссиора, которые часто бывали в доме его отца Мяделеца Алексея Афанасьевича. Оба они жили у Петра Новикова, но Иосиф Викентьевич Коссиор раньше уехал (бежал из ссылки в 1916 году), а Михаил Петрович Богданович работал учителем в Глинном, и рассказчик сам у него учился. Богданович был вежливый, спокойный.

Во время подготовки партизанского движения подпольщики часто собирались также в доме отца. Здесь бывали: Бич, Богданович, Пепул Ян Юрьевич, Шульгин Роман Петрович (приехал в гости из Москвы, и здесь его захватил переверот, стал партизаном), Бурульбаш (Максименко) Евдоким Григорьевич (тоже заезжий, здоровый флотский, очень активный и речистый), Абрамсон (старый политссылный). Из местных глинских переселенцев — Гопкало, Антонович, Стасенко Виктор Михайлович (вначале мало участвовал — потом, но по другим сведениям, бывал в Шиткино у Свенского Стасенко или Тасле-ев), Тарас...

Богданович не был женат (жил с женой хозяина, Петра Новикова, Евой, на ней женился и с ней уехал).

Рассказчик возил на подводах и санях людей в Кондратьево, в частности арестованных в ревтрибунал (одного из которых, Ф. Г., расстреляли), а также встречался с Бичом на лапинском пароме перед его пленением. Учительница, фамилию которой он забыл, была предательницей и уехала с белыми.

Н. П. Иванов рассказывал, что они переселились в Шиткино из Псковской губернии в 1911 году — четырнадцать семейств, в т.ч. три семьи братьев Ивановых — Страусовых: Потапа, Семена, Ивана. В доме его отца собирались подпольщики (Брюханов опровергает). Три брата рассказчика ушли в партизаны: Петр Потапович, Ефим Потапович, Василий Потапович. Еще Веселов Филипп, Веселов Павел. Все с улицы новоселов.

С Береговой Барабы были в партизанах: Митрофан Гаврилов (или Гаврила Митрофанов), Брюханов Афанасий Ефимович, Бурмакин Иван Петрович, Жуков Макар, Ополченский Валюс (ссылный поляк), *Половинкин Яков*

(секач) (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Эти данные совместно Н. П. Иванова и Е. А. Брюханова. Вихорева, Рыльчикова (Бобкова) они не знают.

С Привалихина переулка, считает рассказчик, были Привалихин Григорий Ефимович, Пустынский Нил Иванович, Мутовин Гурьян Яковлевич. (Эти не с Привалихинского переулка, а с Чалдонской улицы.)

Отмеченные красным карандашом на схеме деревни упоминаются и у Макара Жукова, но он называет еще Евдокима Смолина как партизана — безродного, приبلудного с Чуны, а рассказчики говорят, что он в партизанах не был, а был лавочником, торговал водкой, плохим человеком был — Финтиль. Жуков называет также в числе партизан Иннокентия Александровича Мутовина (сына богатого крестьянина, кулака-купца Александра Игнатьевича Мутовина), попросившего, чтобы партизаны его «мобилизовали».

Рассказчики называют в числе шиткинцев, принявших первый бой, работника Поликарпа Ивановича Рукосуева — батрака Дмитрия Попова и считают, что в первом бою было двадцать семь человек.

Брюханов считает своего отца, Брюханова Акатея Ивановича, партизаном и подпольщиком, а также Михайлова Федота — из переселенцев (а Семенов назвал еще Рыженкова, Абрамсона).

Еще до восстания лили жаканы¹ (пули) — по-псковски или по-белорусски?

О первом бое

Штаб был на Барабе у Гаврилы Митрофанова (???). Белые заехали сразу в дом Ильи Яковлевича Мутовина на Чалдонской улице. К нему же завезли раненного на гумне Поликарпа Ивановича Рукосуева, своего солдата. Взяли двух или четырех пленных.

По возвращении из Шемякино был второй бой — на Ключике, у грани под горой!

Потом, когда получили вест о 6-й роте, на Шухаревой горе рыли окопы. Шиткинский Халявин Кирилл Глебович возил туда партизан, там, на этой горе, и состоялась встреча. У 6-й роты были трехлинейные винтовки, но не русские, а мексиканки². Это гора в тринадцати верстах от Шиткиной, на правой стороне Бирюсы. Засаду делали на шиткинском склоне, чтобы белые не удержались под горой, когда их будут бить. Но боя не было.

Они ночевали в Шиткино, где их расквартировали по домам. Румыны однажды зашли в дом Паташовых, отца и матери не было дома, а Николай, десятилетний, и младший братишка залезли в печь и прикрылись заслонкой. Румыны думали, что в печи есть чем поживиться, и открыли заслонку. «У-у, барсука (большевики)!»

¹ Народное название пули «жакан» произошло от названия пули Якана, которая, в свою очередь, названа в честь изобретателя литовца Яканиса. Другие народные названия «жеканы» и «турбинки» (<https://ru.wikipedia.org>).

² Мексиканец офицер-артиллерист Мануэль Мондрагон в 1892 г. формирует общую концепцию нового оружия, к 1896 г. ему удается запатентовать первую в мире семизарядную винтовку. В 1900 г. Мондрагон перешел на патроны 7 x 57 мм.

У румын были белые пистолеты (?). Однажды они избили мать-старуху Паташова Акулину Фадеевну, мать рассказчика Брюханову Екатерину Павловну. У Паташовых забрали лошадь и корову, а кабана велели притащить в избу и прямо там пристрелили.

В доме эсера Норенкова Ивана Федосовича, вернее в доме его жены-старожилки Татьяны Митрофановны Мутовиной (вдовы) с сыном Кириллом Мутовиным, 1902 г.р., чехи и белогвардейцы всегда останавливались и задавали пиры с музыкой. То же часто бывало и у Андрея Гордеевича Бурмакина, в доме из нескольких комнат на Чалдонской улице (гостиница).

Проезд пленного Бича через Шиткино

На северной окраине за деревней была речушка — Нижняя речка, через нее мост, по которому проходила дорога-тракт в Шалаево.

Николай Потапович Иванов рассказывает:

— Я ловил рыбу у самого моста. Вижу, едут на русских телегах румыны, через несколько телег, к одной из них, подвязана пара коней в шлеях и хомутах. Между ними к гужам прикреплены носилки, на которых лежал раненый черный румынский офицер, капитан. За ними на повозке сидят Бич и четыре румына-охранника. Я закричал: «Иван Андреевич!» Румын огрел меня плетью. За Бичом ехали остальные, но их было не сто человек, а больше.

Румыны с пленным Бичом в Бузыканово отдыхали в доме партизана Петра Каверзина. Его жена, узнав Бича, распахнула от удивления глаза, но он мигнул, дав понять, чтобы она этого не показывала. Тогда, суетясь, хозяйка хотела поднести Бичу кувшин молока, но румын отогнал, набросился на нее: «Большевик!».

В Шиткино, когда румыны отдыхали и пили чай, Бич продолжал сидеть в телеге у ворот (Черневский: «Нет, в подвале у Баландина Демиды!» — Е. С.). Держал себя смело: «Меня убьете, а армию нашу нет».

Партизанский штаб бывал в разных домах — и у Андрея Гордеевича Бурмакина, и у Якова Ефимовича (или Ефима Яковлевича) Мутовина, и у других.

О братьях Вепревых

В Покров зашел отряд партизан человек сорок в деревню Шиткино и расположился на гумне (на бурмакинском гумне, что стояло на задах восточного, а если грубо, то северного ряда Чалдонской улицы, напротив дома Андрея Гордеевича Бурмакина). В это время с северной стороны, с Шелаевского тракта, вернее, с края Чалдонской улицы, в обход горы, в деревню въехала румынская кавалерийская разведка. Партизаны решили, что это основные силы румын и бросились бежать в болотистый лес на Мыкалку.

Среди партизан были два сродных брата Вепревы (Ветровы), которые, кажется, задержались в лавке. Румыны их схватили и привели в гордеевский дом (Андрея Гордеевича Бурмакина) — гостиницу, где всегда была стоянка штаба белых, к хозяину-гуляке. Там их раздели до белья и вывели на улицу, чтобы публично казнить. Румын шашкой раскроил череп одного из Вепревых и еще рубанул несколько раз, другой Вепрев в это время бросился бежать в калитку Цериона (или Ацентия) Павловича Бурмакина (напротив гордеев-

ского дома, где и было на задах его гумно), быстро защеколдился и ушел. Руины долго возились, но открыть калитку не смогли, а забор высокий. Стали стрелять, но бесполезно. (Черневский: «Казнен был Игнат». — Е. С.)

Убежавший пробрался в Яковскую заимку, где его пригрел и одел Денис Ефимович Мутовин. Он ушел на Иванов мыс, где были окопы. (Черневский: «По Криволуцкому, Вепревы были из отряда Жичкина — Бельницкого». — Е. С.). Казненного оттащили на гумно, на другой день (второй день Покрова) выпал снег, и труп припорошило. Крестьяне его захоронили.

Отдельные эпизоды и замечания

• Между мостиками (Нижняя речка), что на северной окраине, с Шелаевского тракта, у деревни был сосновый бор, который назывался Борок. Потом уже начиналась деревня — избой Гурьяна Яковлевича Мутовина (крайняя изба Чалдонской улицы, мутовинский, или гурьянов, край).

• Вятская переселенка Агафья Святличиха...

• В Привалихинском, или Стрельцовском, переулке было четыре избы: Алексея Ефимовича Привалихина, Стрельцова Якова (портной) с сыновьями Алексеем и Григорием, поляка-ссылного Ковальчика Марая и Пустынского Нила.

• На углу улиц Чалдонской и Береговой стоял большой дом Архипа Игнатьевича Мутовина.

• Младший брат верхнеужетского расстрелянного партизана Поликарпа Дубровина (по-деревенски, Кондрашов), Дубровин Ефим, живет в Шиткино. А какой же Трофим Дубровин на Ужете? Старший.

• Секач — сорви голова, храбрый, отчаянный.

• Упряг — оглобля.

• Пороховая гора...

План деревни Шиткиной (1919 г.) прилагается.

Рассказ Ивана Африкановича Бурмакина:

— Григорий Горенский был на паре, у дяди Дмитрия завели распряженных коней и сани в завозню³. Я точно знаю, т.к. об этом всегда рассказывали отцы и крестьяне, — что белых привезли не только нижнезаимцы, но и коноваловцы, и в т.ч. Лебедев Илья. Про него в партизанское время крестьяне сложили песню:

Коноваловский Илья

Неказистый парень...

От Нижней Заимки до Шиткиной 30 верст. Тракт-Ужет точно на полпути — 15 плюс 15 верст. Деревня Венгерка — в семи верстах на юг от Тракт-Ужета, в сторону от тракта, у самой Бирюсы. Кондраши — в двух верстах от тракта

³ Завозней называли помещение для хранения саней, телег, лошадиной упряжи. Завозня, как часть крестьянских построек, подворья, имела чаще всего широкие двустворчатые ворота и широкий помост-настил для въезда в нее.

на север, тоже в стороне от тракта, справа у самой протоки Бирюсы, но на левом берегу. Зимник шел от Тракт-Ужета на Кондраши — Сергеевский участок — Кавказ — Остров. Семионова, или Антонова, заимка (Семенов брод) — шиткинского крестьянина Семиона Антоновича Бурмакина и Ацентия Павловича Бурмакина. В двух с половиной верстах от Тракт-Ужета по тракту от нее тоже есть зимник на зады Сергеевского участка и оттуда на Кавказ.

Елань — тогда заимка трех крестьян: Мутовина Якова Левитовича (изба), Кочергина Зиновия (Яковская, или Левитовская, заимка, зинovieвская изба), Привалихина Алексея Ермиловича (Ермиловского) — у него была только юрта.

Заречинск, или Сергеевский участок, строго говоря, против Семионовской заимки на том берегу, а Кавказ — чуть ниже, т.е. севернее (схема прилагается).

Отдельные эпизоды и замечания

- В последний день Масленицы, воскресенье, — заговенье.
- Бич сидел в подвале дома Баландина Демида Алексеевича, а не в доме Брюхановых. Он вел себя мужественно, его били, а он держал речь. Это слышала и видела жена Евдокима Пегасовича Смолина, Авдотья Архиповна, урожденная Мутовина, которая сама рассказывала об этом лично мне (А. Ю. Черневскому. — Е. С.) во время беседы 18 августа 1964 года в поселке Сосновые Родники, где она теперь живет.
- План дома Андрея Гордеевича Бурмакина прилагается.
- Белые захали основными силами с северного, мутовинского края, со стороны мостка, т.е. Яковской заимки.
- Описание пути от Тайшета до Шиткино. От Тайшета до Старого Акульшета — поля, луга, мелколесье с преобладанием лиственных пород. От Акульшета до парома верст пять тайгой, ближе к парому дорога (тракт) идет у реки Коновалово. К Нижней Заимке с горы и сквозь деревья виден купол церкви, а деревня видна только справа за деревьями, как бы внизу (это часть деревни).
- Нижняя Заимка. Главная улица протянулась на две версты, необычно узкая. От нее отходят еще две улицы, но были ли они раньше, т.е. в 1919 году, надо выяснить. Да, Были!
- Тракт-Ужет на северном склоне горы, у речки Ужетки. В деревне едешь вниз с горы. К самой Ужетке, к мосту, дорога идет особенно круто вниз и круто поворачивает направо. Тайга. Тракт-Кавказ. Елань. То есть можно считать, что кемченцы — за рекой, шегашетцы — на джогинском гумне, а черчетцы и зареченцы на деревне. С теми, кто в деревне были, и остальные одиночки: Оглобин, *Гурьян Мутовин*, *Федот Евлампиевич* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) (шемякинский) Михайлов, Маймуратов (Маямрот) с Трак-Кавказа, Попов Дмитрий, Абрамсон.

Из черенгачетских могли быть: Равковский Александр Данилович (молодой, неслуживый, погиб в Бирюсе), Бокановский Михаил Семенович, Тресков Петр Григорьевич (пожилой), Тресков Кондрат Григорьевич.

Из черчетских: Кудрявцев Никита, Лесюк Андрей, Головачев Федор (ру-

чается Погодин Григорий), Казакевич Владимир (уверяет Семенов), Чемоданов Афиноген (Николай) (по Горлачеву).

- Уже после беседы Жуков Макар еще раз подчеркнул, что Смолин Евдоким никогда не торговал, был хорошим партизаном, а Финтиль — это мелкий лавочник Петр Платонович Брюханов (торговал квасом, конфетами). О Смолине Евдокиме см. стр. 65 (80).

- Верст семь по тракту Чунскому от парома и вправо версты две был Мирошкин участок, где жил Федор Журавлев, как на хуторе. Но в 1919 году он уже жил в Шиткино.

АЛЕКСАНДР АДАМОВИЧ СЕМЕНОВ

(партизанская фамилия Елкин)

Родился в 1897 году, из деревни Кемчик.

Беседа состоялась 1 марта 1962 года в деревне Шиткино

А. А. Семенов: Незадолго до восстания из деревни Кемчик приехали Бич, Богданович, Басурманин, Швайдецкий. У нас уже была группа подпольщиков из семи человек (те, что потом пошли в Шиткино и приняли участие в первом бою). Иван Назарович Половинкин сказал, что надо отвезти их в Шиткино. Поехали, но в Шиткино только захватили Свенского и двинулись дальше. Я думал, что в Нижнюю Заимку, но мы приехали в деревню Заречинскую (Сергеевский участок), в дом Марфы Селиверстовны Долгалевой, где оказался Анс Кепул.

А. Ю. Черневский: А не было ли там Тийса, высокого, совершенно лысого?

А. А. Семенов: Нет, не помню такого, но был с Нижней Заимки один, Чайковский.

Здесь, в этом доме состоялась конференция (совещание), на которой и решили выступить в Шиткино. Совещание проходило ночью при закрытых ставнях. (Черневский: «Решили: в субботу быть в Шиткино! Но это решили в Кемчино, тут рассказчик путает». — *Е. С.*) Наутро мы уехали обратно.

Вскоре опять в Кемчино приехал Бич и провел собрание добровольцев-подпольщиков в моей избе, велел нам в тот же день ехать в Шиткино. Помню, он читал стихи и называл себя эсером-максималистом. Он уехал по другим деревням, кажется, в Шегашет.

Акулов взял у Карла Бутовца (Бутовича) двуствольную централку¹ с разбитым прикладом (позже наладил ему приклад на Гоголевском участке Андрей Сарман), у Половинкина была драгунка, а у остальных пяти человек свои берданки. В пятницу под Маслену (Черневский: «Пятница 28 февраля — первый день Маслени». — *Е. С.*) доехали до Бузыканово, потребовали коней — дали с трудом. Своих с сопровождающими отправили назад, в Шиткино, прямо к Свенскому, который жил у Ополченского.

Самого Свенского дома не было, он был в Нижней Заимке (Черневский: «Значит, 27 февраля, в четверг, именно в этот день, по Криволуцкому, происходила конференция в Нижней Заимке и налет голошинцев, а по Куприянову Ив. Ив., 2 марта, или 7-го по старому стилю, т.е. в воскресенье, на третий день Маслени!»). — *Е. С.*) Тут оказался черчетский Казакевич Владимир. Все восемь человек, мы заночевали у Свенского. Его жена Флора Андреевна поставила четверть самогона, но мы пить не стали (?).

¹ Охотничье ружье центрального боя, заряжающееся с казенной части; охотничье ружье, заряжаемое с казенной части унитарным патроном с капсюлем в центре патрона.

Наутро пришел будить Свенский: «Спать приехали? Каратели едут, следом за мной идут, чуть ушел от них!» (Черневский: «Нет, не у Свенского, а у Ополченского». — *Е. С.*).

Тут к нам пристал беглый дезертир, бирюсинский, под вымышленным именем Оглоблин. Нас уже стало 10 человек. Из шиткинцев присоединились Вихоров и Гурьян Мутовин — уже 12 человек. Ночью после нас подъехали шегашетцы: Ходя, Горлачев, Погодин. Других шегашетцев не помню, и были ли они, не знаю. Не помню также, когда я их увидел — до боя или после.

Воронин расставил нашу группу: часть на джогинское гумно и по дворам, а меня и Ковалевых, всего три человека, — на тот берег, в тальники.

Сразу после боя я увидел и заречинских: Митрофана Кочеткова (Иванова), с карабином и двумя бомбами-лимонками, и Лебедева Николая Никифоровича. Хорошо помню, что были двое с Тракт-Кавказа: Маямрат (сейчас живет на Кавказе), другого забыл, — они были без ружей, но у каждого по две гранаты-лимонки.

Таким образом, только тех, кого я помню, было 19 человек. Из своего дома на Чалдонской улице стрелял старый ссыльный Абрамсон — это двадцатый. Вообще же было 27 человек, но стреляли 7—10 (Черневский: «Очевидно, Силин, Горлачев, а кто еще?» — *Е. С.*).

Свенский попался глупо, в своем доме, при выходе из него (Черневский: «Его увезли в одной рубашке, привязав к саням. Он шел за патронами, когда еще стрельбы не было». — *Е. С.*).

Белые ехали с колокольцами! Мы взяли в плен двух человек с четырехлинейными винтовками. Наш штаб в Маланьиной избе, на берегу. — Курочкина Маланья, второй дом от угла. Сама она, уступив нам избушку, перебралась на ночь к сыну Антону и хромой дочке.

Когда пришел Бич, пешим строем пошли в Шемякино, забрали с собой кулаков-предателей, которых там и расстреляли. Туда приехал Криволуцкий (он работал в Нижней Заимке продавцом) и привез бочку пороха. Помнится мне еще фамилия Рыженков (Рыльчиков?). О заречинцах знает проживающий сейчас здесь Фадеев.

Свенский прискакал из Нижней Заимки на саврасом бегунце. Он показывал паспорт и говорил, что его настоящее имя Тусов Станислав Акимович (Черневский: «Или наоборот, скрывался под этим именем?». — *Е. С.*).

Первые подпольщики-добровольцы из Кемчино, участвовавшие в шиткинском бою: я, Акулов, Ковалевы двое (он женился в зиму с 1918-го на 1919-й, бежал от Колчака вместе с Чурсиным; у Савелия Ив. был винчестер, а где он его взял, не знаю, наверное, у Вихорева), Половинкин, Чурсин, Гаев, Бирюков и Феськов присоединились после.

Очевидно, расположение было таким: тройка Семенов — Ковалевы на берегу, остальные восемь человек (Половинкин, Гаев, Казакевич, Оглоблин, два кавказца, а также Вихоров и Митрофан Кочетков с тремя лимонками) на джогинском гумне, шегашетцы и заречинцы в ограде Барабы, с ними и шиткинцы (*Мутовин и Вихоров*) (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — *Е. С.*). С шегашетцами несомненно были Гусенок Никита и Хоменко Иван (22),

а возможно также Осташков, Ольховка, Пикозин (25) и еще двое-трое заречинцев (*Кепул, Тийс, Степанченко*) (зачеркнуто. — Е. С.). Нет, другие.

Окончательное замечание о водчиках. Их было четверо, все с Нижней Заимки, купцы-кулаки, лавочники:

- 1) И.Н.С. *Степанович* (зачеркнуто. — Е. С.),
- 2) М.А.З.,
- 3) Г.Х.К.,
- 4) Г.Г.И. (Савельевский).

Они остановились пить чай у шиткинского лавочника Брюханова Петра Платоновича (Финтиля) (Черневский: «Только Москвитин и Гурнеев». — Е. С.). Первых двух партизаны казнили, двое других скрылись и продолжали предавать. Утопили их в Шемякино Никита Кудрявцев и Ходя.

В Шемякино переночевали одну ночь. Там был старый ссыльный Усольцев (Броневик), который сказал: «Забирайте моего быка, режьте и ешьте!».

Штаб там расположился у кулака-чалдона Петрована Мутовина — на берегу, на извозе. У него жил ссыльный Саушкин. Дня через два — в Шиткино. Здесь штаб был уже, где чайная, — у Ефима Яковлевича Мутовина или Александра Мутовина, возле сборни. На всех переулках в Шиткино и Шемякино у нас были расставлены караулы-посты.

Бич сказал: «Вы меня не выбирайте, я не командир, военного дела не знаю».

25 августа 1962 года, Шиткино. Продолжение беседы

А. А. Семенов: Мы переселились в Ключик в 1913 году из Могилевской губернии, Рогачевского уезда. Тринадцать семей: Семеновы, Гаевы, Феськовы, Корнеевы, Курчевские и Мартусины.

Тогда на участке был только старик-переселенец из Самарской губернии Назар Половинкин, отец партизанского командира Ивана Назаровича, а они с семьей приехали позже. Мать-старуху звали Анной. Они в 1919 году были живы.

Иван Назарович жил тогда с первой женой Гарпиной Гавриловной (урожденная Миронова, из Шегашета), женился еще до империалистической войны. Я вместе с ним служил на Юго-Западном фронте, и вместе в 1918 году мы вернулись, причем он привез с собой винтовку. (Жена живет в Шиткино, в 1920—1921 гг. он с ней разошелся.)

Чурсины тоже были самарские, Ковалевы — с Днепра. Новоселам в царские призывы давалась отсрочка на три года. При Временном буржуазном белогвардейском правительстве в 1918 году по Шалаевской волости было вывешено объявление-указ: сдать все шинели, палатки, вещмешки и котелки. «Ну, раз котелки велят сдавать, значит, у них котелок не варит. Это не правительство», — сказал мой отец.

Когда мы переселились, наша семья наняла в Тайшете староакульшетского старосту, который туда привозил дрова, наняли за 7 рублей до Шегашета — там были свои. По дороге он уговаривал не ехать туда, а попытаться поселиться в Старом Акульшете, он староста, поможет, надо взять ведро самогона и уплатить ему. «Сына женим на моей дочке и породнимся» — это про

меня, а мне было пятнадцать лет — шестнадцатый. За постой, ночлег брали по 10 копеек с человека, но он с нас ничего не взял: «Я тоже у вас буду ночевать, так вот и рассчитаемся».

У акульшетцев в избе было число. Они считали свою деревню пригородом. Мы купили у старосты коня за 75 рублей, испытанного в дороге, хорошо. Вскоре прибыли в Кемчено...

Уже в Нижней Заимке я видел в числе штабных работников Богдановича М.П. (Волгина). Из Нижней Заимки попал в Верхнеголеветский партизанский отряд, где командиром был Криволицкий Прокопий, начальником штаба Шевелев Николай Никитич. А после Криволицкого командиром был Кондратьев из Байроновки, он же был командиром и при отступлении.

В Гоголевском отряде были, кроме меня:

- 1) Шевелев Николай Никитович (начштаба), тайшетский,
 - 2) Криволицкий Прокопий Дмитриевич (командир отряда, перешедший затем в штаб нижнезаимцев),
 - 3) Криволицкий Иван Дмитриевич,
 - 4) Буйлин Петр, рядовой с Переправы,
 - 5) Колосой Фадей, мастер оружейной мастерской, тайшетский,
 - 6) Сарман Андрей, гоголевский, специалист по ломке пути при помощи зубила и молотка,
 - 7) Богданов Савелий, гоголевский,
 - 8) Лобачев Егор Романович, торгаш из Байроновки,
 - 9) Бурнашов Игнатий, байроновский,
 - 10) Погодин Григорий, шегашетский,
 - 11) Скибо с хутора Байроновский,
 - 12) Цицилин Владимир, с Касьяновские хутора,
 - 13) Калабухов Сергей,
 - 14) Костарев,
- эти двое были с нами в засаде на Грибановской заимке,
- 15) Ходкевичи, двое или трое братьев из Нижней Гоголевки,
 - 16) Обухов Прохор,
 - 17) Смелик Ефим, шегашетский,
 - 18) Степанов Сергей и его отец, верхнеголеветские,
 - 19) Родин Тимофей (флотский),
 - 20) Родин Василий (Владимир?), его племянник,
 - 21) Тимофей Тимофеевич, ссыльный, нижнезаимский,
 - 22) Запасов Федор, живет и сейчас в Нижней Заимке.

Первой моей операцией была засада на Грибановском хуторе в марте 1919 года. А было это так. Между Тайшетом и Гоголевкой был хутор кулака Гермогена Степановича Грибанова. Тогда еще был жив и его отец, старик Степан. У Гермогена был Петр, сын большевистски настроенный, жил с отцом на хуторе, но в отдельном доме. Однажды он пришел в штаб Гоголевского отряда и заявил, что к отцу часто приезжают пить чай с медом белые, — мы устроили засаду. В этой засаде были я, Бурнашов Игнатий...

Едут казаки. Игнашка выстрелил и убил первого — остальные верховые назад. Игнашка снял с убитого шинель, красные шаровары с синими или

желтыми лампасами, красную шапку. На другой день видим — горит Грибановская заимка. Это белые приехали большим отрядом и подожгли в отместку за перестрелку. Сожгли дом, надворные постройки, разгромили и увели часть скота. Но амбары, в которых было 2 тыс. пудов хлеба, уцелели (Черневский: «См. Криволуцкого, стр. 23». — Е. С.).

На другой день после ночного пожара приезжают на конях, в кошеве и на снях, старик, Гермоген, Петр и старуха мать. «Идите забирайте хлеб и все, что осталось». Мы вывезли хлеб в Нижнюю Заимку.

Однажды я, Погодин, Скибо и другие, а всего сорок человек, пошли в Алзамай поджечь мост. Подъезжаем к Касьяновским хуторам, разделились человек по двадцать — одни с одного конца хутора, другие с другого, чтобы в разных знакомых квартирах разведать и запастись провиантом. Мы — к дому отца партизана Володьки Цицилина. Там, у дома Цицилина, стоят 10—15 оседланных коней, не наших. В это время слышим выстрел с того края — это другая наша группа. Выбегают казаки и садятся на коней, мы на лыжах — уходить. Погодин ходил тяжело, отстал. Нет, это после. А сперва мы отошли и залегли в кустах и открыли огонь. Казаки все в сторону, по снегу, по целику. Тогда мы стали отходить, и тут Гриша отстал. Белые вышли снова на дорогу. Григорий видит, что они напали на наш след, а он один, деваться некуда, и решил дешево не сдаваться, открыл огонь из берданки. Казаки думают, что опять напоролись на крупную засаду, и снова в целину. Мы, услышав выстрел, — навстречу Грише, сошлись и стали все вместе отходить.

Другой раз пошли в разведку на Николаевский участок (напротив Байроновки) на снях, на конях с Борисовского... — я, Тимофей Тимофеевич и Иван Криволуцкий (очень храбрый партизан), среди дня, Великим Постом. Подъезжая к Байроновке, спрятали винтовки в бору, а на снях пилы, вроде лес заготовливать. По пути встретилась по линии бывшая жена Тимофея Тимофеевича, он боялся, что она выдаст нас. Видим, в Байроновке у края человек сто с подводами. Думали, что нас уже заметили, и едем стороной в обход на другой край. Подъехали к церкви — по нам открыли огонь. Ускакали. Это были красильниковцы. В тот день они сожгли дом Кондратьева, а в подвале у него была граната. Мы уже далеко, но слышим — взрыв, пламя.

После — наступление на Тайшет 25-го по старому, выходит, 8 мая. Акульшетским отрядом командовал Костя Москвитин. Акульшетскому отряду — взять станцию, Гоголевскому — мельницу Кочергинову, Серафимовскому — аптеку и почту, а Бирюсе и Конторке — водокачку на Тайшетке (она была обнесена частоколом и колючей проволокой, там был большой гарнизон).

Я был уже в Акульшетском отряде. В этом отряде были также:

- Половинкин Иван Назарович;
- Бычков Николай, его заместитель, ранен в тайшетском бою;
- Феськов... наш кемченский, погиб при наступлении на Акульшет — попал в плен и был убит, подозреваю, что нарочно сдался;

- Аф. Воробьев, тайшетский, вместе со мной был телефонистом (наш пост связан был у моста в Тайшет, с нами был Третьяков; нас уже охватили, и на паром не попасть; Акульшет горит, мы переправились на тот берег — и в Нижнюю Заимку);

- Филат Хлебников, бежал от Колчака;

- Ковалев Александр Федосеевич, акульшетский, его брат Ковалев Иван Федосович, возможно, и сейчас живет в Акульшете, они черниговские.

При отступлении в Нижней Заимке начальником тюрьмы, которая располагалась в сельской, был наш кемченский Мартусин Филипп (живет в Тайшете против бани), он тогда сдавал на расстрел Журавлева и Королева.

Случай с моим братом

Осенью, в пору уборки хлебов, когда румыны шли с Черчета, мой брат Иван Адамович, не партизан, вместе с женой Пелагеей Борисовной, отцом Адамом Петровичем ехали в поле — наша пашня была по тракту к Джогино. По пути видели: едут казаки с Джогино, за ними румыны. Когда свернули к балагану на пашне, те подъехали к ним: «Нам надо коня». — «Берите». «Ты повезешь», — сказали Ивану. Повез. Спрашивают, есть красные в Кемчено или нет. «Нет», — отвечает.

Половинкин Семен Назарович, брат Ивана Назаровича, ехавший за нашими, проехал на свою пашню, дальше, за нами.

Когда румыны стали спускаться с горы в Кемчено, их обстреляли партизаны отряда Степана Петрова, человек сорок. Они завтракали или обедали в нашей деревне, с ними были с Николаевского завода. А румын четыреста. Ивана тогда искололи штыками — тридцать ран. Приехали в деревню и сожгли наш дом.

Их вел З.М. Возможно, это был отряд с Бичом, не знаю. Это было по-старому 7 августа, или по новому стилю 20 августа, нет 24 августа, потому что был второй Спас.

Отдельные эпизоды и замечания

• В ста метрах от джогинского края в Шиткино по бугру была поскотина, сворачивавшая к грани. Ворота.

• В Шиткино был ссыльный Федосей Иванович (Иван Федосеев?).

• Из Выдрино был партизан Смолин Василий.

• У 6-й роты были мексиканские винтовки с закрытыми затворами, и наши самодельные литые пули без оболочек к ним не подходили.

• Денис Лозунов — болдовский партизан, казнен в Нижней Заимке.

• При Комайликове был секретарем тайшетский Григорий Загвоздкин, и Белоконь еще.

• В Верхнеголеветском участке был злостный самогонщик эстонец Эрмель, лет семидесяти.

• В Тайшете был переулочек Жичкина, а где почта — Почтовая улица. В Канске главная улица от вокзала — Гоголевский проспект. Деревня под Каном, где перевоз, так и называлась — Перевоз.

• Ополченская из г. Родом.

• Борисовского Попкова точно казнили партизаны, и, кажется, не за предательство, а за кражу.

• От Шиткино до Бунбуя 40 верст, до Неванки 46. Тракт провели при Николае в 1912 году, там были верстовые столбы. Версты две-три от паррома

— Чунское болото, через него проложена гать (по-белорусски «гребля»). На 21—22-й версте бор с черникой и брусникой. В болотах есть клюква. Бунбуйский мост стоит на бунбуйской развилке.

- Между Выдриной и Червянкой есть на волоке речушка Бродовая, там было стойбище тунгусов.

- На 11—12 километре от Шиткино к Тайшету — Семенов брод, бывшая заимка шиткинского кулака Семена Антоновича (Семенова, или Антонова, заимка), а на том берегу Сергеевский участок. Кондраши сразу за Кавказом — на горбатом мосту между Кавказом и Тракт-Ужетом, выше Сергеевского участка. Кавказ тогда был только на правом берегу. У них, бывало, не попьешь воды и коня не напоишь, на женщину не помотришь. Татарская деревня. Без заборов, плохенькие.

- У Свенского был бегунец небольшой, саврасый.

- Осенью штаб был в чайной.

- Кондрашов после отступления остался в районе Верхняя Гоголевка — Байроновка и скрывался в небольшом отряде в тайге, делая иногда мелкие вылазки.

ФЕКЛА ЗАХАРОВНА ШИПИЛОВА

(урожденная Мордуева)

**Родилась в 1899 году,
бывшая жительница деревень Троицкое и Листвянка.
Беседа состоялась 3 мая 1962 года, 11 апреля 1963 года**

Мне было семь лет, когда семья наша переселилась из Могилевской губернии в Сибирь, в деревню Сохатово (Троицк), 1906—1907 гг. В 1918 году я вышла замуж за листвянского крестьянина Сергея Яковлевича Шипилова, который был на год младше. Мой свекор Шипилов Яков только что вернулся с германской войны. «

Вскоре после моего замужества муж ушел в партизаны вместе с другими односельчанами: Куниным Иваном Васильевичем (его отец Василий был тогда еще жив) и Когановским Устином Осиповичем. Они были в отрядах в Конторке и Бирюсе вплоть до сожжения этих сел, а затем вернулись домой и скрывались в деревне, впрочем, живя почти открыто.

Хозяин деревни был кулак Семен Лукашевич, старик. Однажды, уже после авдюшинской трагедии, с верхов Бирюсы — с Туманшета, Шелехово, Рождественки — шел большой обоз награбленного чехами у крестьян добра. Заехав в нашу деревню, чехи велели Лукашевичу снарядить дополнительные подводы и сопровождать их. Выезжая из деревни, Лукашевич сообщил чехам, что в деревне скрываются три партизана, и обоз вернулся. Подъехали к нам: «Шипилов Сергей Яковлевич, собирайся!».

Забрали нашу лошадь и на ней увезли мужика (вместе с Устином и Иваном). Я была в ту пору на сносях с первым младенцем (потом родила сына). В Тайшете благодаря заступничеству Омельченко их, всех троих, только высекли плетью и отпустили домой. Иначе грозила казнь через повешение.

Когда они вернулись, Устин Кочановский стал подбивать на расправу с Лукашевичем всех остальных. Тот, поняв все после их возвращения, взмолился: «Ребятунки, сам не знаю, как получилось, бес попутал».

Мой Сергей и Кунин Иван не согласились казнить Лукашевича, и дело замяли. Но когда все ушомкалось, когда победила Красная армия, к нам в деревню приезжали власти, допрашивали, хотели Лукашевича пустить в расход, но опять-таки наши его выгородили. Николай, сын Семена Лукашевича, уговорил партизан отказаться от обвинений. Вскоре тот скрылся и в наших краях больше не появлялся.

Деревня была в один порядок (ряд) справа от дороги, если ехать из Енисейки на Троицк. А мельница стояла на той протоке, которая бежала от Чухны слева от дороги. На ней, выше Листвянки, когда-то стояла старая мельница какого-то чухонца¹.

¹ Чухонец — пренебрежительное обозначение финна.

АНДРЕЙ АГЕЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

Родился в 1887 (1889) году, старожил села Бирюса.

Беседа состоялась 8 мая 1962 года

» С 1912-го по 1917 год я работал на разъезде Суети́ха. Бич Иван Андреевич при мне не работал, а работал еще раньше (до 1911 года). Работали Бич Арсентий и Бич Елена (Латышева, рабочий пути).

В германскую меня не призывали по болезни, поэтому я не был в партизанах. Но о том, как происходили события в Бирюсе, знаю, помню хорошо. Тем более что доводимся Бурловым родней. Моя тетка, родная сестра моего отца Григорьева Агея Федосеевича, Григорьева (Бурлова) Аграфена (Граша) Федосеевна, была замужем за стариком Бурловым Ананием Максимовичем. Она мать Бурловых Сергея и Николая. (Черневский: «Лукерья Ефимовна Бурлова называет ее Графидой Степановной». — *Е. С.*)

О Мамаевых: Алексей Михайлович был уже стар, жена Евдокия померла раньше. Младший сын их, Сергей, тогда уже лет тридцати, служил в казаках и оказался у белых. Старик жил со старшим сыном Павлом, который в основном и торговал в лавке. Ему было тогда лет тридцать семь. Старик Мамаев уехал после революции, перед восстанием, а Павел еще оставался, но потом тоже уехал (Черневский: «Наоборот, см. воспоминания Анциферова». — *Е. С.*).

ДОРА ТИМОФЕЕВНА ГОРЕНСКАЯ

(урожденная Агапитова)

Родилась в 1900 году.
Уроженка деревни Байроновка, где и батрачила.
Беседа состоялась 10 мая 1962 года

В Байроновке в партизанщину сельский писарь Григорий и его жена Татьяна якобы выдавали партизан. Однажды, когда писаря не было дома, приехали партизаны и убили Татьяну прямо в избе. Когда сбежались люди, она лежала на полу в луже крови и еще судорожно подергивала ногами в суконных чулках. «

Деревня в шести верстах от Тайшета...

СТЕПАН НИКИФОРОВИЧ КОРОЛЬКОВ

**Родился в 1898 году,
старожил деревни Енисейка, бывший партизан.
Ныне живет в Сполохе, пенсионер.
Беседа состоялась 12 мая 1962 года,
сведения уточнены 17 июня 1964 года**

В изложении А. Ю. Черневского

Высокого роста, нос длинный, блондин.

Зимой 1917 года, накануне Февральской революции, был призван в армию и с Канским 29-м полком попал в Петроград. В Петрограде был вместе с бийским Михаилом Ознобихиным.

После Октябрьской революции демобилизован. В августе 1918 года вместе с Савелием Фроловичем Сучковым и Филиппом Александровичем Ермолаевым мобилизован в Белую армию и отправлен в Нижнеудинск, а в ноябре с ними же дезертировал и пошел в партизаны.

Бич в Енисейке уже в то время не жил. Он здесь учительствовал зимы две еще до германской войны, году в 1910—1911-м.

В Нижнеудинске у белых с ними был и сполохинский Парчуков Александр (командир какого-то отделения), но он дезертировал позже и тоже пришел к партизанам.

Анисим Фролович Сучков был только по организации, а не в отрядах. Да и все енисейские в боях не участвовали и тем более не брали никакого моста — сказка!

Демещенко прибыл в Шегашет в 1902 году. С ним Баскин, Бидула (Бидулята) Мирон. Павел Савицкий в партизанах никогда не был.

Осташковых звали Пахомовские, Миронова Михаила — Михалочкины. Миронов Михайло жил более 100 лет.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ЗОЛОТУХИН**Родился в 1906 году****НИКОЛАЙ МАРКОВИЧ ДЕМЕЩЕНКО****Родился в 1912 году****Беседа состоялась 15 мая 1962 года****В изложении А. Ю. Черневского**

Они были еще детьми и помнят лишь отдельные эпизоды, но хорошо знают свои деревни. «

Золотухин Дмитрий Петрович, из деревни Черенгачет, рассказал, что, будучи пацаном, однажды вез четверых черчетских партизан от Черенгачета до Шегашета — перед восстанием.

Это были:

- 1) Логинов Никита (Кудрявцев Никита Логинович), Броневик кличка, заикастый, кудрявый, у него был клинок, наган и карабин;
- 2) Головачев Федор, с наганом,
- 3) Афиноген Чемоданов, без оружия,
- 4) Николай Чемоданов, тоже без оружия.

Деревня Шегашет состоит из двух длинных улиц, протянувшихся параллельно с юга на север, причем южная половина деревни идет спуском на север до середины, где обе улицы пересекает Наливной лог — ключик, который летом чуть не высыхает, но зато весной разливается широко и очень глубок. Поэтому по обеим улицам через лог стоят высокие деревянные мосты. За ними начинаются подъемы на север (северная половина деревни).

Южная половина была заселена главным образом белорусами и называлась Лапотонским краем, а северная, заселенная украинцами, называлась Хохлацким краем.

С восточной стороны в версте от деревни протекает река Поперечная, Поперечка, или Пинчет (течет с юга на север и впадает в Бирюсу — Ону рядом с Джогино), а с южной стороны, в двух верстах от деревни, — речка Шегашет (течет с запада на восток и впадает в Поперечку).

С южной стороны, почти у самой деревни — в полуверсте, на Поперечке стояла мельница Павла Савицкого, он держал ее вместе с братом Гаврилой. Севернее деревни, между Шегашетом и Джогино, еще пять: Панова мельница, Пикозина мельница, Егорова мельница, Калинова мельница, Иванова мельница. Они, эти мельницы-хутора, были расположены так: фотокопия схемы и план деревни Черенгачет прилагается.

Никита Логинов (Кудрявцев) приухлестывал за черенгачетской девушкой Прасковьей Кузминичной Ясинской, что жила у моста через ручей, часто приезжал к ней, будучи в партизанах, верхом, с клинком, наганом и карабином.

Однажды он арестовал попа: «Ну, поп, собирайся!». Тот жил не при церкви, а в доме Григория Голята, отца партизана Семена Голята. Увез его — и с концами. (Черневский: «Выяснить, кто такой Залесский Арсентий». — Е. С.)

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА МОСКВИТИНА

(урожденная Мамаева)

**Родилась в 1885 году, старожил деревни Бирюса.
Ныне проживает в поселке Суетиха по ул. Парижской Коммуны.
Беседа состоялась 15 мая 1962 года**

» **А. Ю. Черневский:** В этот день по настоящему зазеленели березки, полным цветом цветут подснежники и медунцы, черемуха набрала сережки-соцветия и вот-вот распустится. В разгаре огородная компания: уложены парники, а кое-где еще укладываются, идет посадка картофеля, а некоторые уже отсадились, но еще продолжается вспашка огородов под картошку. Вода большая (полная), прибывает. Смеркается в... часов по местному времени, а в... часов уже заметно темнеет, но силуэт движущегося человека на дороге просматривается еще далеко — до километра, а в... метрах можно узнать знакомого или разглядеть лицо.

Луна в это время на юго-востоке, не очень высоко, почти полная и похожа на лицо и голову уroda. Официально — первая четверть луны. Восход луны в 15.30, заход в 3.30 ночи. Небо малозвездное, одна звезда на востоке, одна на западе и одна на юго-востоке, у самой луны. Тихо. Тепло. Небо несколько пасмурное. К 12 часам ночи луна точно на юге, высыпали звезды, ковш Большой медведицы прямо над головой.

Ночь не темная, но не очень светлая. В лесу тихо. Певчих птиц не слышно. Это уже не весна, а первые дни сибирского лета. Уже третий день, как появились комары...

Москвитина — Мамаева рассказала, что они сродни Мамаеву Алексею Михайловичу — купцу и кулаку бирюсинскому. Мамаевка, или Береговая улица, в Бирюсе потому так и называется, что там жили почти все Мамаевы, а заимки их были возле Авдюшино у речушки Мамаевки (название тоже от них).

Знаменита Бирюса Мамаевыми да Москвитинными, затем Горенскими и Кулаковыми, а потом уже и Патриными, *Куркиными*, *Рупасовыми*, *Троезубовыми*, *Калиниными*, *Толмачевыми*, *Авдюшевыми* (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.).

Основал заимку за Мамаевкой возле Авдюшино бирюсинский мужик Конон Мамаев (Москвитин?), и стала она называться Кононовская. В 1919 году после бомбежки и сожжения Бирюсы на ней было 19 хозяйств (а всего бирюсинцы имели 30 (36) заимок).

«Сюда то перебрались и мы, — рассказывает Татьяна Степановна. — Через несколько дней после сожжения Бирюсы приехала я с деверем Никитой Москвитинным, братом своего мужа, в родное село на пепелище посмотреть, кое-что собрать. С нами приехал и Кулаков Наум Федорович, дом его был на Мамаевке.

Из полов еще пробивался дым. Вдруг видим, спускаются с тракту к мосту конные чехи. Въехали в село, подъезжает один, манит пальцем. Деверь мой

был неработоспособный и полоумный — я пошла. Пляжу, а с чехами сидит вершой Павел Алексеевич Мамаев, сын купца, в гражданской одежде. Спрашивает, что делаем. «Да вот болты да посуду какую ни на есть соберем, сгодится», — отвечаю я. «Ну, в своем хозяйстве собирайте, а по чужим не шарьтесь, не озоруйте».

Чехи угостили Никиту папироской, а меня конфетами. Это было возле Заэтапа, там был дом моего мужа Москвитина... Когда мы уезжали, Павел Алексеевич велел чехам проводить нас до тракта.

Наезжали чехи и в нашу Кононовскую заимку. Прихожу раз с поля, а в избе чехи шарятся, в кувшины заглядывают. Я на них напустилась: «Видите, хозяина нет дома, зачем охальничаете?!» «Самогонку ищем», — говорят».

Рассказчица ошибается — это уже румыны! См. книгу № 9, воспоминания Зорина, стр. 30 (авторская нумерация. — Е. С.).

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ПАТРИНА

(урожденная Мамаева)

Родилась в 1905 году, бирюсинская крестьянка,
дочь партизана Андрея Игнатьевича Мамаева.

При советской власти вышла замуж за сполошинского крестьянина
Григория Антоновича Патрина, 1900 г.р.

Беседа состоялась 18 мая 1962 года

В изложении А. Ю. Черневского

Елена Андреевна рассказала, что ее отец был бедным многодетным крестьянином, имел одиннадцать детей («пять девок и шесть ребят»). Елена — старшая. Сам всю жизнь батрачил. В 1919 году был партизаном, но после сожжения сел и отступления его поймали чехи где-то на Чуне, привезли в Тайшет и посадили в арестантский вагон. Это было в то самое время, когда сидел под арестом пленный Бич Иван Андреевич. После казни Бича его секли плетьюми, а потом выпустили. Семья в это время жила сперва на Троезубовской, а потом на Малинниковой (Малининой) заимке.

Елена ходила к отцу на свидание и видела повешенного Бича.

В другой раз она рассказала, что чехи поймали отца не на Чуне, а во время их бегства с семьей из сожженной Бирюсы в Синякино, по пути, и тогда семья вернулась в Бирюсу, а оттуда на Золотухинскую заимку.

Отец сидел в Тайшете в вагоне, когда расстреливали авдюшинских.

УЛЮТА ПОТАПОВНА КОРНЕЕВА

Родилась в 1886 году.

Бывшая крестьянка деревни Кемчино, ныне живет в селе Шиткино.

Беседа состоялась 14 июня 1962 года

Наша семья и другие несколько семей из Могилевской губернии переселились первыми на участок Кемчино Шелаевской волости — на чистое место, необжитое, в тайгу: Чурсины, Корнеевы, Гаевы, Феськовы, Семеновы, Бирюковы, Ковалевы, Мартусины (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.).

Тогда мне было годов 25—26, а моей дочери четыре — пятый. Теперь мне на Петровку будет 76, а дочери исполнилось 53 года. Вот и считайте, когда это было. Но было это перед первой германской войной. (Черневский: «Выходит, в 1913 году, что соответствует описи 1916 года. По этой описи, в деревне числилось 21 переселенческое хозяйство с числом душ 183, из них работоспособных мужчин было 48, а остальные женщины — 87 и неработающие мужчины, старики и дети — 48 человек». — Е. С.).

Деревне определили название Богратионовка, но оно не привилось, а называлась деревня по нарезанному участку — Кемчик (Кемчино) или Ключик.

Немного позже на участок переселились из Самарской губернии Половинкины, Чурсины и другие.

Еще до революции дочь моего деверя (мужева брата) Михея Корнеева, Фросю, хотел сосватать россейский парень, сын мельника из шегашетских переселенцев, Феняга Егоров (Черневский: «Афиноген Егорович Ефимов. Ефимовы — настоящая фамилия. Сыновей называли Егоровыми по отцу. Да, это так!». — Е. С.). Деверь его прогнал, сказав, что бедному с богатым не родниться. И отдал Фросю за шегашетского крестьянина Гамзюка (Тишка), что переселился тогда уже на хутор Уловец, основанный бузыккановским крестьянином Мутовиным Василием Алексеевичем.

Феняга, напившись самогона, приехал на Уловец, когда там был деверь, и зарубил его топором (в 1925 г.?). Его осудили на десять лет, но отец-мельник добился освобождения за богатую взятку и через год или два его выпустили. И сейчас жив.

Из наших, кемченских, в партизанах, кроме тех, кого вы знаете, был еще один, звали его Александром. Он приехал перед партизанщиной, своего хозяйства не имел, жил у Назара Половинкина. Я ему еще помогла спрятаться от чехов: когда он скрывался в деревне, внезапно подошли чехи, я дала ему свою бабью юбку, и он на виду у них успел удрать в лес.

П.С. действительно был предателем, и у него всегда останавливались «чужие». Второй предатель, Г.П., тоже привечал белых. Партизаны раз хотели его арестовать, но он скрылся. Они взяли его жену Хвилину, привязали ее к березе у Ключика и изгалялись как могли.

В Джогино был предатель Ц. У него всегда останавливались белые, и он этим хвалился, даже говорил так: «Думаете, ваша возьмет? Нет, брат, с нами не тягайся». Партизаны его повесили.

У мельника шегашетского Егора Ефимова было три сына: Афиноген, Кузьма и Василий, в партизанах был по мобилизации только Василий. Кузьма Егорович Ефимов был уже пожилой, Афиноген — средних лет, Василий — молодой.

У меня, когда мы переселились в Кемчино, была уже своя семья, четыре дочери и муж, Корнеев Иван Абрамович, самый младший из трех братьев Корнеевых.

ДАРЬЯ ЯКОВЛЕВНА ЧУРСИНА

(урожденная Силина, по первому мужу Корнеева)

Родилась в 1893 году.

Беседа состоялась 30 ноября 1965 года

В изложении А. Ю. Черневского

Дарья Яковлевна рассказала, что она приехала в Кемчино, как и Улюта Корнеева, в 1913 году из Могилевской губернии — тоже уже с мужем, Корневым Михаем Абрамовичем (Чурсина она стала позже). Замуж вышла молодой, еще в Белоруссии, году в 1911-м. Жили очень бедно, и было ей тогда лет восемнадцать, а когда приехали в Сибирь, лет двадцать. Все три брата Корневых — Максим, самый старший, Михай, ее муж, и Иван, муж Улюты, — были женаты, и был еще жив их отец, свекор Абрам, а свекрови не было. «

Ее муж вернулся в 1917 году из германского плена.

История с замужеством Фроси (Ефросиньи Абрамовны) была такова. Она не дочь, а сестра Михея, золовка Дарьи Яковлевны. Про Фенягу Егорова — Ефимова ходила молва, что он вор и убийца, как и вся его рода. И старший брат Максим сказал: «За арестанта не отдадим!». А когда она вышла за Тихона Гамзюка и они жили на Уловце, мой муж Михай поехал как-то летом в 1925 году в Шиткину. Возвращаясь оттуда, заехал в Уловец к Фросе. Поставили коней у ворот, зашли в избу, а дома только девочка, дочь ее Прасковья: «Тятя и мамка в поле».

Вышли, собрались ехать, тут из дома, где жил Феняга и брат его Кузьма, выходит Феняга и зовет их чай пить, потом, мол, поедете. Принес бутылку самогона. А когда выпили — снова выпили, вернулся с топором — прячет, держит сзади. Потом вдруг поднял и по голове Михея — наповал. Замахнулся на его дружка, да зацепил топором за матку (потолочную балку) и угодил в плечо. Тут жена Кузьмы вырвала топор.

Феняга долго скрывался, пока его поймали. Да мало посидел, выпустили.

ИВАН ЕВДОКИМОВИЧ СМОЛИН

**Родился в 1911 году,
сын партизана Евдокима Пегасовича Смолина из деревни Шиткино.
Ныне живет в поселке Сосновые Родники, Чунского района.
Беседа состоялась 29 июня 1962 года**

В изложении А. Ю. Черневского

Евдоким Пегасович Смолин родился в 1888 году в деревне Выдриной на Чуне в семье тунгуса Пегаса и русской чалдонки. Мать его рано померла. После ее смерти Пегас, тунгус, таежник, запил, промотал все хозяйство и с запоя умер. Труп его нашли в тайге, похоронили в Выдрино. После этого Евдоким, ему тогда было семь лет, стал скитаться по людям, работал у выдринских, потом у бузыкановских кулаков и прибился в Шиткино, где, когда вырос, женился на Мутовиной Авдотье Архиповне.

В 1919 году Евдокиму Пегасовичу Смолину был 30—31 год. Он жив, живет с Иваном Евдокимовичем в поселке Сосновые Родники.

ЕВДОКИМ ПЕГАСОВИЧ СМОЛИН

Родился в 1888 году.

Беседа состоялась 18 августа 1964 года
в поселке Сосновые Родники (ул. Озерная, 13)

А. Ю. Черневский: В беседе приняла участие жена Евдокима, Авдотья Архиповна, урожденная Мутовина. Однако ничего полезного и связного они не рассказали. Сам Евдоким Пегасович сухой, среднего роста, узкоплечий, не напоминающий сибиряка, темно-русый, очень замкнутый и совершенно неграмотный человек, не гостеприимный. Говорит, что все забыл. С детства поднимался в людях. Бузыкановский кулак Даниловский (Кочергин Даниил Ильич) заставлял его бороться серпом (?).

Помнит только, что с ним на Ангаре в отряде Смолина был шиткинский Назар Федотович, кажется, Мутовин (жена Федосья Александровна Мутовина) да Нил Пустынский.

Евдоким жил рядом с Гурьяном Мутовиным. В день восстания их взяли белые, в это время кто-то из огады выстрелил и ранил одного солдата. Раненого положили на сани, и все уехали, а они сбежали.

Конечно, этот человек не мог быть активным партизаном.

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ИВАНОВ (КАЗНИН)

Родился в 1907 году в деревне Укар, Нижнеудинского уезда.

Ныне проживает на станции Тарей (ул. Зональная, 10).

Беседа состоялась 26 июня 1962 года

Деревня Укар, где я родился, расположена на правом берегу р. Уды, у протоки. В 1919 году имела около сорока дворов. Мои родители — отец Казнин Николай Николаевич, мать Казнина Ольга Николаевна. Фамилию Иванов я принял после их гибели от рук колчаковцев в 1919 году.

Мой отец был активистом и членом сельсовета в деревне Укар в первый период советской власти. В марте 1919 года, когда к нам пришли каратели — уфимские стрелки (или когда проходила 6-я рота), по доносу Филиппа Лепихина, кулака, имевшего свой хутор по тракту у Коксада, проводили массовую экзекуцию крестьянского актива. У нас зарезали телку и жеребенка.

Тогда отец мой скрылся, а мать Ольга Николаевна получила семнадцать плетей. После этого ее повесили на верстовом столбе прямо у дома, а дом подожгли. Я спал в доме, но услышал и убежал, а сестренка, десятимесячная Анна, мы ее звали Нюрой, как спала на кровати, так и сгорела.

Секли также Федюшина Николая Николаевича, Пирова Ивана Адамовича (за сына). В Бадарановке в этот день сожгли дом у Ефимова Николая Алексеевича. Помню, в 6-й роте был солдат Овсянников, он потом с партизанским отрядом попал в Укар.

Насколько мне известно, партизанами были:

укарские :

1) Казнин Николай Николаевич (мой отец, раненный в бою между Коксадом и Монетным ключом, т.е. между Кирпичной горой и Коксадом, позже увезли в Нижнеудинск — и с концом),

2) Максимов Егор Петрович, старик лет пятидесяти,

3) Максимов Никифор Егорович, его сын, фронтовик, семейный, женат на Аграфене Прокопьевне Сидоркевичевой (у них был уже сын Анатолий лет двух), командир Укарского отряда, помощник Морозова И.Н.,

4) Максимов Григорий Егорович, его брат, холостой, замешан в бандитизме;

5) Максимов Илья Петрович, их дядя, младший брат Егора Петровича (в июне 1919 года перед покосом его расстрелял местный, объединенный с румынами, карательный отряд под командой коксадского казачьего атамана Казимира — он болел, его захватили в бане и тут же в пятидесяти шагах от егоровой бани расстреляли у Общих ворот (они же Баженовские), что при въезде в Укар с Коксада),

6) Аверьянов Игнатий Степанович, зажиточный,

7) Шафронский Алексей Дмитриевич, кулак-хуторянин (его отец держал работников на своей заимке, что была на реке Кадуй, между Укаром и Казачьей Бадарановкой, в двенадцати верстах от реки),

оба молодые, но тогда уже женатые, и оба предатели, в 1937 году обоих забрали с концами;

костинские :

Сенокосов Степан Инопатьевич (?), живет на станции Тарей;
из Уковской Бадарановки:

- 1) Ефимов Иван Николаевич,
- 2) Ефимов Ефим Николаевич,
- 3) Ефимов Петр Николаевич,
- 4) Ефимов Иван Романович, их сродный брат;

шипичинские :

- 1) Дыкман(ов) Павел Федорович, активный партизан,
- 2) Дыкман Федор,
- 3) Дыкман Тимофей (Тимка) Федорович, менее активен,
- 4) Иванов Лука Афанасьевич,
- 5) Иванов Василий Афанасьевич,
- 6) Нестеренко Лука Степанович,
- 7) Гусев Иван Семенович,
- 8) Гладких Иннокентий Спиридонович;

днепровские (деревня Днепровская между Широково и Зенцово):

1) Морозов Иван Никитович, командир Укаровского и Шипичинского отряда,

- 2) Морозов Тимофей Никитич,
- 3) Тришкин Алексей Павлович, командир Шипичинского отряда;

зенцовские:

- 1) Ногинов Андрей, отец,
- 2) Ногинов Петр Андреевич,
- 3) Тарасов Петр;

боровинские:

1) Ильин Степан (погиб не то в бою между Крутым и Широково, не то повешен в Боровинке отрядом Казимира в июне перед покосом),

- 2) Ильин Николай Степанович, его сын,
- 3) Баженов, кажется, из Нижнеудинска;

широковские:

- 1) Никулин,
- 2) Шаламаев Андрей, активный партизан Укарского отряда;

из Уата:

- 1) Кокорин Петр Михайлович,
- 2) Кокорина Анна.

Партизаны Укарского отряда летом, после отступления приехали на Кадуй, на заимку Шафронского-отца. Туда же приехали Шафронский Алексей с Аверьяновым Игнатием. Шафронский пристрелил Петра, а Нюра бежала девять верст вверх по Кадую, но он догнал ее и также пристрелил.

После этого белые схватили партизан, в т.ч. Шафронского и Аверьянова, старика Ивана Адамовича Пира (Пирова), отца партизана Николая Ивановича Пирова, Максимова Никифора, раненого Казнина, Ефимовых Ивана и Ефима, Дорошенко Тимку. Всех увезли в Нижнеудинск, но вернулись только Шафронский и Аверьянов, заявив, что им удалось бежать, а остальных расстреляли. С тех пор, люди поняли, что они предатели.

В июне 1919 года после отступления партизан, перед покосом, по деревням прошел объединенный — румынский и казачий — коксадский отряд Казимира. В Укаре они обложили дом Егора Максимова (здесь при партизанах был штаб) и стреляли по нему из девяти пулеметов. Двух его дочерей, Марию и Аграфену, били шомполами. Тогда же поймали в бане Илью Петровича Максимова и расстреляли. В Шипициной они обложили дом Семена Гусева тринадцатью пулеметами, но не обстреляли. В доме был только средний сын Семена, Гавриил, не партизан. Там же драли шомполами старика Федора Дыкмана за сыновей, партизан Павла и Тимку. Он был очень маленького роста. Экзекуцией (кажется, плетью) командовал Казимир. Этот отряд прошел до Мироново, а дальше побоялся. Были слухи, что часть казаков, тогда или позже, перешла к партизанам.

Около Шипицино есть гора Плещи (наверное, своеобразная Лысая гора). С нее видать и Коксад и Широково — на восемьдесят верст. Там и базировались не отступившие партизаны.

Адреса: на станции Таряя проживает партизан из деревни Костиной, из Укарского отряда, Сенокосов Степан Инопатьевич. На станции Чукша, деревня Савельевка, живет партизан из отряда Морозова Рукоусев Петр Петрович.

СЕМЕН ФОМИЧ МАКАРЕНКО

Родился в 1904 году, житель деревни Луговской.

Беседа состоялась 20 июля 1962 года

В 1919 году в деревне было 64 двора. Наша семья переселилась на участок Луговской в Сибирь из Черниговской губернии году в 1908-м или 1910-м, когда мне было лет пять. «

Участок расположен в таежной местности, в крупном березняке, на юго-западе от Тайшета, верстах в пятнадцати. Основан в 1900-х годах переселенцами из Херсонщины (Демеденко Федор, Маслаков Евсей, Романенко и др). Приехав на голое место, они вырубili березняк, поставили юрты-землянки из пластов дерна и строились. В 1905—1906 гг. сюда переселилось пять семей из Воловского района Курской губернии. Тогда еще было три юрты. Наша семья приехала, когда уже была деревня.

Состав нашей семьи:

1) Макаренко Фома Косьянович, отец, глава семьи, умер в 1917 году,

2) Макаренко Анна Ивановна, мать,

3) Макаренко Петр Фомич, самый старший сын, женившийся еще дома на Ульяне Павловне, 1888 г.р.,

4) Ульяна, его жена (ее родители остались на Черниговщине, она жива и сейчас, живет в Луговской),

они года три прожили вместе с отцом, т.е. с нами, а потом Петру купили готовый дом, и он отделился,

5) Мария, старшая дочь, вторая после Петра, она вышла замуж в империалистическую войну и ушла в хозяйство мужа,

6) Федосей — после Петра и Марии, т.е. третий из детей, или второй из братьев по старшинству, живет в Тайшете,

7) Прасковья — четвертая в семье, вторая из девок, тоже замужем с начала войны, ее мужа в германскую войну убило,

8) Антонина — пятая в семье, третья из девок, до 1919 года замужем не была, девка,

9) Егор, примерно 1899 г.р., шестой в семье, третий из братьев, в 1919 году уже был женат на Машуньке Кириченко, и у них была девочка (в 1919 году был призван в колчаковскую армию, но бежал вместе с Ветьгуном Иваном, Яциной Иваном, Гнненко Иваном, Демиденко Осипом, ушел в партизаны, погиб в Великую Отечественную войну, будучи поваром на передовой под Смоленском, его разнесло вместе с кухней),

10) Семен (рассказчик), 1904 г.р., седьмой в семье, четвертый из братьев,

11) Татьяна, самая младшая в семье.

Таким образом, приехало нас одной семьей одиннадцать человек, а в 1919 году жили семьей в семь человек: мать, Егор, его жена Мария Игнатьевна, их дочь, моя сестра Антонина, я и Татьяна.

Вместе с моим братом Егором были у Колчака в Канске и вместе с ним бежали наши односельчане:

2) Ветьгун Иван Онуфриевич, содействовал партизанам, возил продукты и боеприпасы в Бирюсу, а позже в избушку скрывающимся в тайге у реки Тайшетки.

3) Яцина Иван Павлович, содействовал партизанам, как Ветьгун.

4) Гоненко Иван Осипович, был в партизанском отряде в Бирюсе до отступления.

5) Демиденко Осип Федорович, не партизан.

Кроме Гоненко Егора и Ивана, в партизанском отряде были:

- Кириченко Владимир Игнатьевич, 1900 г.р. (наш зять, его сестра Машунька замужем за Егором), погиб в Отечественную войну (Черневский: «Не был!». — Е. С.),

- Ляшенко Яков Михайлович, вороватистый, мародер (утопил в Бирюсе у Щетиновки луговского крестьянина Романенко Дмитрия якобы за предательство, сам участвовал в ряде операций с авдюшинцами, умер в Тайшете в 1961 году),

- Скоробрех Федор Макарович, 1894 г.р., живет в Тайшете.

Все эти пять человек были до отступления в отрядах Бирюсы и Конторки, а затем скрывались дома и в тайге, между Луговским и Андреевским участками, в трех верстах от Луговского, у реки Тайшетки, где у них была избушка. В ней жило 27 партизан, в т.ч. некоторые авдюшинские, андреевские и часть серафимовских. По чьему-то доносу чехи разыскали ее и разрушили, сожгли.

Ляшенко Яков был тогда уже женат на авдюшинской Хилеке Плахотнице (по другим сведениям, она тайшетская), у них был маленький сынишка. Он с ней расстался, она уходила к отцу в Авдюшино, а потом снова сошлись и в 1919 году жили вместе. Окончательно он разошелся с ней в 1924 году, когда сын утонул.

Однажды в деревню налетели чехи. Это было вскоре после сожжения Бирюсы и Конторки. Егор сидел дома и увидел в окошко, бросился бежать в конопли, что росли у нас на огороде и были высокие, как лес. Удалось убежать и Владимиру Кириченко, и Яцине Ивану. Они ушли в Авдюшино. (Впрочем, это было осенью, и не с чехами, а с румынами.) А когда приезжали чехи, они раздели догола стариков Ганенко Осипа и Демиденко Федора, отвели в лес и поставили на муравейники. «Говорите, где ваши сыны-большевики?» Но те не сказали. А сыновья скрывались в тайге.

Моего отца не было в живых, а мать-старуху многодетную не тронули.

Помню, что через нашу деревню шли от Щетиновки целые потоки отступающих белых, — таежной местностью, торя дорогу. Они были с семьями, но ни разу не ночевали у нас, а шли напролет. Шарились по избам. У нас в печи сидел хлеб, выгасили, сожрали горячий, полусырой, что не съели, забрали. В сенях стояли три мешка с овсом. Подцепили на вожжи и поволокли волоком по снегу.

(Черневский: «Уфимец тащил из ограды Макаренковых три завожженных мешка, не то с мукой, не то с овсом. «Последний овсишко забрали», — голосила выбежавшая вслед грабителю Анна Макаренчиха». — Е. С.).

Забрали у нас и коня-бегунца рыжего. У Федьки Скоробреха татары забрали коня карего, лысого (лыску), у Жарика двух коней — буланого и рыже-

го. Кони у него были норовистые, выпустишь — не поймаешь. Он, видя, что белые хватают коней, взял да и выгнал своих, то есть пустил. Понеслись кони по селу. «Ловите, еще не один не поймал». Но белые поймали и увели обоих коней, ведь среди них были лихие наездники-кавалеристы — уфимские татары. Да еще хозяину дали плетей.

У кожевника Ивана Писаренко забрали все выделанные овчины, восемьдесят штук, принадлежавшие крестьянам. Сын его, тоже Иван, вырядился в новый овчинный полушубок, красный, дубленый, и вышел на улицу, ходит, смотрит, как безобразничают белогвардейцы. И вдруг подъезжает к нему один верший: «Сымай полушубок!» — «Вы у бати моего и так все овчины забрали, а этот мой, новенький, да кабы отдал бы. Хм!» Подскочили другие, огрели плетью и раздели, сняли новые катанки, а ему дали обноски.

Сына кожевника Ивана Писаренко, мать мою Анну Ивановну, Яцина Павло и Зубарева Павла забрали в обоз, а Ветьгуну Онуфрию приказали: «Поведешь нас на Андреевский участок, водчиком будешь». «Стар я», — отказывался он. «Веди!» — посыпались удары плетей. Но за него вступился зять, Макар Зубарев: «Не бейте старика, я поведу».

Павел довел до ворот поскотины Андреевского участка и вернулся. А обозные ехали до самой Чуны. Потом удрали, в том числе и моя мать. Явились через две недели, Иван Иванович Писаренко отморозил пальцы, так и остался без пальцев. Скот, правда, не резали, так как везли с собой ранее награбленные туши.

Из свидетелей событий тех лет сейчас в Луговском проживает Ветьгун Иван Онуфриевич (мой зять, я женился позже на его сестре Ефросинье Онуфриевне) и Романенко Екатерина, жена утопленного «предателя» Романенко Дмитрия, а также Макаренко Ульяна Павловна (1888 г.р.), бывшая замужем за Макаренко Петром Фомичом.

УЛЬЯНА ПАВЛОВНА МАКАРЕНКО

Родилась в 1888 году.
Беседа состоялась 11 августа 1963 года.

» В изложении А. Ю. Черневского

Муж Ульяны Павловны, Макаренко Петр Фомич, пришел раненый с германской войны. А когда он был на фронте, она вырастила хорошего жеребчика, белогривого (игренька¹), которого выложил татарин (тогда татары были за коновалов). Жили Макаренко на углу деревни и Осинниковской дороги, что идет с севера на юг.

Из Луговского вели четыре дороги: первая в Осинник — Авдюшино, на север; вторая на Щетиновку, на юго-юго-запад, почти на юг; третья на запад, чуть на северо-запад, на Бувальчик; и четвертая на восток, чуть на северо-восток, на Шипину заимку и через нее на Андреевский участок и на Серафимовку (на Серафимовку все равно не миновать Андреевского участка).

На Шипинском краю жила вдова Макаренкова Анна Ивановна с детьми. Шипина заимка (бирюсинского) была там, где теперь деревня Софроновка, а Софронова, или Решетникова, заимка севернее (ближе к Суетихе, где теперь маяк на софроновских полях), но пашня Макаренко подходила в Шипинской заимке.

В начале колчаковщины и перед восстанием в деревне были сходки, кто приезжал, агитировал за восстание. «Мой старый солдат Петр ходил на сходки, — рассказывает Ульяна Павловна. — Вот тогда-то Романенко Дмитрий и сказал: «Я большевиком не был и не буду». За это его и утопили, но не один Ляшенко Яков, а были с ним и другие». В партизанах в Бирюсе были только двое: он и Скоробрех Федор из большой бедной крестьянской семьи вдовы.

Когда шли белые, а они шли только с Осинника на Андреевский, изба Макаренко была первой на их пути, и им больше всех доставалось. Первыми ехали большие начальники, полковники да генералы. «Первый офицерский обоз забрал моего Петра везти их в Андреевский, — продолжает рассказчица. — Повез на игреньке, сам в шубе и катанках. Стал возвращаться, шедшие вслед белые забрали игренька, дали худую кобылу, еле на ногах держится, сняли новую шубу и дали драную шубенку с одним рукавом, а за новые катанки — рвань, схваченную проволокой. Возвратился он ночью. Выбежала я, вижу: конь не наш, качает его, а Петра и не признала в рванье. Аж зубы у меня застучали, а Петр согнулся, идет в избу и говорит: „Черт с ними, и с конем и с шубой, ладно, сам цел остался“».

¹ Игреньевая масть — рыжая или бурая с белыми или дымчатыми (с примесью серых волос) гривой и хвостом. В отличие от рыжей с осветленными гривой и хвостом, у игреньевой лошади длинные волосы имеют один и тот же цвет в течение года.

ФЕДОР МАКАРОВИЧ СКОРОБРЕХ

**Родился в 1894 году,
бывший житель деревни Луговской, партизан.
Ныне проживает в Тайшете по ул. Академика Павлова, 105.
Беседа состоялась 5 апреля 196 (?) года**

В изложении А. Ю. Черневского

Федор Макарович рассказывает, что в Луговское агитатором приезжал Михаил Жичкин и останавливался у них, но сразу не открылся. Думали, что он приехал за мясом, т.к. его отец был мясником. «

С ним пошли в Бирюсу шесть человек:

- он, Скоробрех,
- Артеменко Михаил,
- Кириченко Владимир Игнатьевич,
- Ляшенко Яков Михайлович,
- Кныш Филимон,
- *Яцина Павел* (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.)

Все участвовали в бою на Пасху, когда убило Андрея Критинина и Антона Слепокурова. И все эти якобы отступали до Чуны, но потом из Бунбуя ушли домой, т.к. там в доме одного крестьянина Троезубов хотел изнасиловать дочь хозяина, а Скоробрех сказал: «Не смей, не позорь партизан — народных заступников». Тот наставил на него ружье, но вступились Исак Карпович Москвитин и Василий Васильевич Горенский.

ВЕНИАМИН МАТВЕЕВИЧ КРИТИНИН

**Родился в 1909 году,
сын начальника всех отрядов Шиткинского фронта
Матвея Ивановича Критинина из деревни Бирюса.
Беседа состоялась 20 июля 1962 года.**

Братьев Критиных пятеро: Константин Иванович — старший, Емельян Иванович — второй, Дмитрий Иванович — третий, Захар Иванович — четвертый, Матвей Иванович — пятый.

Мой отец в 1919 году был уже пожилым человеком, отслужившим в армии и вернувшимся с германской войны унтер-офицером с Георгиевским крестом. Из пяти братьев он был один в партизанах, и я знаю, что в Бирюсе он был начальником штаба Бирюсинского отряда.

Женился он примерно в 1900 году на лавинской крестьянке Егониной Варваре Евгеньевне.

Состав нашей семьи в 1919 году:

- отец Критинин Матвей Иванович, унтер-офицер, георгиевский кавалер, лет сорока,

- мать Критинина (урожденная Егонина) Варвара Евгеньевна, умерла в 1940 году,

дети (по старшинству):

- Александр Матвеевич, 1902 г.р., был вместе с отцом партизаном в отрядах до конца, репрессирован и погиб в 1938 году,

- Александра Матвеевна, моя сестра, самая старшая, 1900 г.р., сейчас живет в Омске,

- Анна Матвеевна, 1905 г.р., по мужу Коротич, Лекашиха, сейчас живет в Сполохе,

- Дмитрий Матвеевич, 1907 г.р., убит в Отечественную войну,

- я, Вениамин Матвеевич, 1909 г.р.,

- Сергей Матвеевич, 1913 г.р., инвалид Отечественной войны, живет в деревне Шевченко, у него или у сестры Анны, кажется, есть фронтовая фотография отца.

Кроме того, в партизанах были мои сродные братья, сыны дяди Емельяна и дяди Константина:

- Критинин Егор Емельянович, живет сейчас в Абане, его точный адрес знает бывший партизан Сергей Тураков (Бирюса),

- Критинин Дмитрий Емельянович, погиб на фронте Отечественной войны,

- Критинин Андрей Константинович, погиб в Бирюсе, его родной брат Игнатий Константинович живет в Суетихе.

Мой отец трагически погиб в тайге в 1921 году. Его убили бывшие белогвардейцы, пробравшиеся в заготовительные организации под видом специалистов и охотников. Отец был у них как представитель контроля. Убийцы Ганька и Васька, бывшие офицеры, фамилий их не знаю. Когда отец

не вернулся из тайги, Александр стал обивать пороги угрозыска, был в Канске, где начальником угрозыска оказался один бывший белый офицер (Черневский: «Не Галошин ли? Тетериков». — Е. С.). Он прогнал Александра: «Хватит тебе пороги здесь обивать».

Александр рассказал об этом другу отца, Косте Москвитину, тот поехал в Канск и, узнав в начальнике угрозыска бывшего белого офицера, тут же пристрелил его, за что отсидел три года на Соловках (Черневский: «Вот сюжет для рассказа!» — Е. С.).

А. Ю. Черневский: Критинин Игнатий Константинович 19 июля 1964 года рассказал, что его брат Андрей Критинин погиб в пасхальном бою с красильниковцами в апреле 1919 года — у солдатских могил, которые через дорогу от бирюсинского кладбища, по пути на Амур.

Вместе с ним погибли в тот же самый день, а не раньше и не позже, бирюсинские Тихон Медведев и Антон Слепокуров, и все одиннадцать человек похоронены на Кочергиной заимке.

«Дело было так, — рассказывал Игнатий Константинович, — когда белые бомбили Бирюсу, бомбой выбило большую воронку у того места, где теперь братская могила безвестных чунских партизан. Сидевшая в обороне группа партизан, в т.ч. мой брат Андрей, бросились в эту воронку. Но потом Андрей выскочил и бросился под гору к солдатским могилам. В это время снаряд прямым попаданием и угодил в него — всего в ключья, ружье в щепки. Только лицо осталось! Всего собрали по кусочкам.

Вместе с ним сидел в воронке и все видел бирюсинский партизан Шабалин Зиновий, который и сейчас живет в Бирюсе (Черневским была нарисована схема. — Е.С.).

Что касается Мамаева Александра Семеновича, погибшего раньше на железной дороге, то он похоронен на общем бирюсинском кладбище. Погибших же в Николин день, в четверг 22 мая (9 мая по старому стилю), во время налета белогвардейской разведки девятерых безвестных чунских партизан хоронили мой дядя Емельян Иванович Критинин и конторский Проскураков Яким Павлович».

Критинина Анна Константиновна, 73 года, сообщила 25 ноября 1965 года, что фотокарточка ее погибшего брата Андрея есть у другой сестры, Елизаветы Константиновны Критининой, которая проживает сейчас одна в Суетихе по ул. Первомайской, 29, а фото Матвея Критинина у Куркиных и у Лекашихи, что живет в Сполохе.

Анна Константиновна рассказала, что Андрей Критинин перед партизанщиной вернулся с фронта и собирался жениться — ему где-то в далекой деревне уже сосватали невесту, но помешала колчаковщина. От него осталось только одно лицо, всего собирали по частям...

Критинина Елизавета Константиновна, 1899 г.р., одинокая маленькая старушка, которую я нашел в избушке на курьих ножках, пояснила, что Лекашиха — это дочь Матвея Критинина, Анна Матвеевна, по мужу Коротич.

Елизавета Константиновна вспоминает, что вместе с Андреем погиб бирюсинский Тишка Медведев (Зверев), и что оба они были холостяками

(у Тихона была только мать, а Лукьян Медведев — это его дядя, жил отдельно). Ей почему-то запомнилось, что везли хоронить не одиннадцать, а десять человек, и что Андрея и Тихона, как земляков, положили в братской могиле рядом. Их, Критининых, отец Константин Иванович и мать Федосья Осиповна были живы, и вся семья участвовала в похоронах.

По старшинству дети были в таком порядке: Андрей, самый старший, Анна, Елизавета, Иван (но почему-то он не упоминается рождественской открытке Андрея, упоминается Митя), Игнат, Алексей.

Беседа с Елизаветой Константиновной состоялась 1 декабря 1965 года, часть данных из нее в Антологии-1, о Критинине Андрее Константиновиче.

В беседе 27 февраля 1966 годы Критинины Елизавета Константиновна и Анна Константиновна сказали, что в 1919 году после первой бомбежки Бирюсы они жили на Коноваловской заимке (деревня Коновалово).

Андрея убило, по словам Анны Константиновны, в первый день Пасхи (7/20 апреля 1919 года), а по словам Елизаветы Константиновны, когда они приехали в субботу 19 апреля из заимки в Бирюсу, Андрей уже был погибшим, и хоронили его вместе с другими погибшими, в тот же день — в воскресенье 20 апреля. Скорее всего, он был убит 18 апреля, в день второго наступления красильниковцев.

Всех похоронили на Кочергиной заимке, Андрея и Тихона Зверева (Медведева) положили в одну могилку, и бирюсинских погибших больше не было (а Критинин Игнатий говорит, что Слепокуров погиб вместе с ними). Сестры-рассказчицы же об Антоне Слепокурове ничего не знают и сами на похороны в Нижнюю Заимку не ездили, а только родители.

Они же сообщили, что мать партизана Кондрата Куркина Прасковья Ивановна была родной сестрой их отца, Константина Ивановича Критинина, и Матвея Ивановича — доводилась рассказчицам теткой. Поэтому у Куркиных и должна быть фотокарточка Матвея, Кондратова дяди. Она может быть у Куркина Владимира Кондратьевича, который проживает сейчас в Суетихе в двухэтажном бараке на Первомайской (с крыльцом, первый от ул. Некрасова), а также у сестры Кондрата — Пятаевой (урожденной Куркиной) Анны Трофимовны, что живет по Калинина, 89 или 39.

ЕЛИЗАВЕТА АРСЕНТЬЕВНА СУЧКОВА

(урожденная Бурмакина, по первому мужу Брюханова)

Родилась в 1882 году.

Беседа состоялась в селе Шиткино по ул. Партизанской, 8.

Мужик мой первый, Иваном звали, в германскую погиб. У богатенького нашего Ильи Яковлевича Мутовина работал в батраках Василий Федорович Сучков из деревни Енисейка. Я и приняла его к себе в дом. Был мой муж в партизанах. «

Были у нас богатенькие, много было.

Андрей Гордеевич Бурмакин, где штабы были, больше белые да чехи-румыны.

Ефим Яковлевич Мутовин — где чайная ныне. И там штаб партизанский был. А в другом его доме, что в проулке, жили партизанские кавалеристы. Вот отсюда и ушли они в разведку, двенадцать человек, на конях поскакали, прямо на остров. Там на острове и бой был, где Марко Крячик погиб. Был с ними, хорошо помню, кавалерист Сухарев Алексей (Саша) и Аненкин Михаил, оба из 6-й роты.

Когда Бича привезли в Шиткину, здесь ночевали. А Ивана Андреевича бросили в подвал на Береговой, в доме Макара Тимофеевича Брюханова, во дворе (где теперь колхозная контора). Большой круглый дом между Кировой и Чалдонской, но Кировой тогда не было, а только маленький переулок (дома Годеевских, Шалфетниковых, Горенских и вдовы Брюханыхи)...

В нашей деревне много еще старичков да старушек, можно поспрашивать.

1. Рукоусев Николай Корнилович, живет по Ленина, 9.

2. Фадеев Егор Сысоевич, 1909 г.р., Больничная, 2.

3. Половинкина Екатерина Петровна, жена партизанского командира Ивана Назаровича Половинкина (Воронина).

4. Пустынских Ефросинья Васильевна, жена партизана Нила Пустынского.

5. Герасимова Маланья Абакумовна (Зоя ходила к ней за молоком).

6. Ополченская Марцела, 70 лет.

7. Корнеева Вулота Потаповна (из Кемчино).

8. Кочергина Лампиада Африкановна, ул. Партизанская, 62 года.

9. Привалихина Фекла — на переулке.

Могу назвать вам еще несколько партизан, про которых вы не знаете:

- Милентий Михайлович Бурмакин, сын Михайлы Петровича Бурмакина, наш, шиткинский (они жили на Чалдонской),

- Зимарев Михаил Григорьевич с Венгерки, холостой парень, партизан, а брат его был предатель.

(Черневский: «Схема правильного расположения домов в Шиткино прилагается». — Е. С.).

Старик Яков Ефимович Мутовин — хозяин домов, где чайная и на проулке, жил тогда уже в Яковской заимке, которую он основал, а сына его Дениса Яковлевича уже не было в живых. В доме на проулке жил Семен Арсентьевич Бурмакин — мой брат. Здесь и жили всегда партизаны-кавалеристы, в частности в тот день, когда выехали на разведку.

Хозяйка Паранька наготовила пельменей накануне, а наутро ехать в разведку. Взяли и в один пельмень заложили муки, а в другой уголек. Первый — счастливый, второй — нет. Счастливый достался Андрею, который сам делал пельмени. Он даже рот обжог: «Ах, провались он, этот счастливый!» А уголек достался Белкину, и тот пригорюнился. Белкин был в черной барчатке, в лосиновых штанах-галифе.

Наутро ускакали на остров на Кавказ. Потом прибегает карий с лысиной на лбу — конь Белкина. Семен Бурмакин и говорит жене: «Эх, Паранька, Белкина-то убили!».

Потом выяснилось, что убил его лично водчик З.И., да еще снял с него лосиные брюки и бросил дома в Венгерке отцу на чердак. Партизаны потом нашли, хотели казнить старика, но разобрались.

В этой разведке точно были:

- 1) Белкин Потап,
- 2) Сухарев Саша (Алексей?),
- 3) Аненкин Михаил (оба из 6-й роты),
- 4) Шилов,
- 5) Шалыгин Николай,
- 6) Архиреев.

Оставшиеся в Шиткино партизаны увезли и похоронили их. Белкин был в катанках.

Зимаров-партизан летом пошел к отцу на пашню помочь. С пашни идут дороги одна на Тракт-Ужет, другая на Венгерку. Приехал отряд румын с З.И., схватили брата — подкрались с двумя румынами — и увезли в Тайшет. Оттуда в Омск в колчаковскую армию. Но тот устроил переворот и перешел с ротой к Красной армии. Предатель З. ушел с белыми, и больше его не видели.

Богач Илья Яковлевич Мутовин, у которого захватили кулаков нижнезаимских, предателей, сам вывел оседланного коня с потником, лучшего своего, гнедого, и отдал партизанам. Потом он выпекал для них хлеб (его жена Афинья Петровна).

Однажды летом воз печеного хлеба повезли ссыльный шиткинский старик Роженков Иван Федорович, ссыльный старик Карл и подводчица, девушка лет пятнадцати, Варвара Филипповна Панова. Они везли хлеб на Иванову забоку, что за рекой против Яковской заимки. На обратном пути их встретила (на той стороне) румынская разведка. Остановили. Увезли в Бузыканово, там отпустили (сказали, что ездили на покос).

Второй обоз возили на Шумилку, где тоже скрывались партизаны. Это в районе Грани на пашне... Возили Дмитрий Клементьевич Бурмакин, хромым старик, Ополченский, Николай Курочкин. Их там встретили румыны, перехватили. В Шиткино захватили и сотского Трофима Кондратьевича Дубровина, всех увезли в Шелаево, а потом обратно в Шиткино, и здесь избили.

Рыженков год пожил и умер, а у Трифона клетчатая красная рубаха холщовая в тело врезалась.

Отдельные эпизоды и замечания

- Борисовский предатель Ж.И. — из ссыльных, когда-то был у шиткинского крестьянина Трифона в работниках, а потом женился на Дуне Ветровой, дочери борисовского богача, и выдал ее брата-партизана Якова Ветрова. Его потом казнили партизаны.

- Шиткинская Агашка Селиверстова уехала навсегда с румынами.

- Петр Сучков, енисейский, племянник мужа, был небольшим командиром в отряде у партизан.

- Жена Иннокентия Гордеевича Бурмакина, брата Андрея Гордеевича, Лукерья Александровна — дочь Александра Игнатьевича Мутовина, самого богатого в Шиткино.

- Ручей на Партизанской, где мостик на речке Арючиха. Она заливалась и выходила из берегов весной.

- 15 августа по-старому Успенье, а 29 августа по-старому (11 сентября по-новому) Иванов день — убирать картошку.

- Пибель Серебрякова. Я была в стряпухах у богатого нашего крестьянина Ильи Яковлевича Мутовина, да и муж мой у них батрачил. Когда восстание было и заимские купцы у них останавливались — перед Великим постом это было, в последний день седмицы ядения сырой пищи, в сыропостную неделю али в масленую, в воскресенье, — ихняя хозяйка Афинья Петровна велела мне починить шубу Иванову Николаю, водчику...

ИВАН ИВАНОВИЧ КУПРИЯНОВ

**Старожил села Нижняя Заимка,
бывший партизан Шиткинского фронта, ныне пенсионер,
проживает в Шиткино.
Беседа состоялась 23 августа 1962 года.**

Мой отец москвич, еще подростком сосланный в Томск на три года под надзор полиции за расклейку прокламаций. Его звали Иваном Степановичем.

В Томске он, проходя по улице, увидел сидящего у особняка господина и спросил у местного парня: «Кто это?». «Это губернатор». «Фу ты, у нас такие пастухи, как у вас губернаторы», — нарочно громко произнес он. Его взяли, посадили в тюрьму, а потом сослали на вечное поселение в Канский уезд Енисейской губернии в село Нижняя Заимка, Конторской волости. Здесь он женился на Степаниде Васильевне Криволицкой, которая доводилась родной сестрой Дмитрию Васильевичу Криволицкому, отцу известных партизан, — им тетка, а мне родная мать. Партизаны братья Криволицкие были мне, следовательно, сродными братьями по матери.

В 1919 году ни отца, ни матери наших в живых уже не было. Отец умер в 1916 году. Я в 1918 году, перед партизанщиной, женился на Александре Фектистовне Неизвестных. Венчал нас поп отец Александр Пономарев.

В 1919 году в Нижнезаимском селе было 360 дворов. Это указывалось даже на белой доске на полосатом столбе, что перед въездом в село со стороны Тайшета по тракту, который был проложен в 1908 году.

Из списка партизан, указанных вам Горенским Лавром, следует исключить не имевших никакого отношения к партизанскому движению или лишь косвенно участвовавших, то есть содействовавших.

1. Криволицкий Алексей Дмитриевич, самый младший из братьев, 1901 г.р. (Черневский: «Не самый младший, а предпоследний». — Е. С.).

2. Кочергин Трофим Ильич, он лишь сочувствовал и содействовал, в отрядах не был, из села не уходил, но был арестован вместе с Семеновым Константином и Москвитиным Родионом, сидел полтора месяца в Канской тюрьме.

3. Москвитин Родион Терентьевич, то же.

4. Смолин Степан Наумович (Кум-Сват Наум — кличка).

5. Кочергин Федор Филофанович, не был.

6. Кочергин Евдоким Осипович, не был, но казнен румынами по ошибке.

7. Запасов Николай Демьянович, партизан, но жил тогда уже не в Нижней Заимке, а в Тремино.

8. Болдовский Ефрем Семенович, партизан, переселенец-самоход, жил в Болдовском, в Нижнюю Заимку отец и семья перебрались уже после партизанщины.

9. Москвитин Демид Тихонович, не был.

10. Белоусов Алексей, не был.

11. Софронов Александр Кузьмич, не был.

12. Горенский Егор Макарович.

И наоборот, в списке не указаны многие, кто был в партизанах и даже погиб в бою или от террора, а именно:

1) Максименко Никита Иванович,

2) Максименко Феоктист Иванович,

3) Максименко Трофим Васильевич — его поймали в Тайшете после боя и казнили, так же как Панина Николая Ивановича, Казенного Федора (Черневский: «Это же Запасов?», Куприянов: «Нет, не Запасов»),

4) Масленников Алексей (из конторских, но жил в Нижней Заимке),

5) Казенный Федор Тимофеевич.

Семья Криволуцких:

Криволуцкий Дмитрий Васильевич — отец,

Криволуцкая Федосья Алексеевна — мать,

Криволуцкий Прокопий, старший, в партизанах не был,

Криволуцкий Прокопий, младший, партизанский командир, вернувшись с фронта, работал в кооперации — не то председателем правления сельского потребительского общества, не то завмагом,

Криволуцкий Иван, третий по старшинству брат, партизан,

Криволуцкая Александра (а не Акулина), партизанская медсестра, партизанка,

Криволуцкий Алексей, 1901 г.р.,

Криволуцкий Антон, 1904 г.р.

Все были тогда живы. Прокопий-партизан был уже женат на конторской Марфе Масленниковой, сестре партизана Масленникова Алексея, который тогда тоже жил в Нижней Заимке. У Прокопия и Марфы уже были дети.

Семья Москвитиных:

Москвитин Мирон,

Москвитина Нинила Карповна, мать, была жива,

Москвитин Марк, с такой жандармской бородкой, самый старший брат, занимался в партизанах самоуправством, Кочергин Иван Андреевич называл его «начальник беспорядков»,

Москвитин Яков Миронович, второй после Марка, был холост (?),

Москвитин Костя — самый младший, почти безграмотный, но очень красноречивый — плечист и речист. Был холост. В партизанах сошелся с Тоней Кочергиной, жил с ней открыто, но потом не женился. Тоня позже стала ухаживать за Машуковым.

Нижнезаимская история

Недовольство крестьян началось еще до Колчака, при первом Временном Сибирском буржуазно-эсеровско-белогвардейском правительстве. Причина: мобилизация, налоги и порки.

В августе 1918 года первая мобилизация. В число мобилизованных попали Федор Григорьевич Кочергин, Федор Запасов и Филимон Николаевич Кочергин.

Кочергин-отец, устроив проводы — столы на улице, держал верноподданническую речь. Но тут же выступил Евдоким: «Не слушайте, а бегите, это не наша власть». За столом сидел и я.

Перед Масленой все трое сбежали.

Тайная подготовка к восстанию в селе не была заметна, и кто верховодил — не было известно для масс.

С 14-го на 15 февраля по старому стилю (с 27-го на 28-е) в Нижней Заимке в доме кубанца-казака Тимофея Ивановича Балановского происходило тайное собрание, на котором присутствовали восемнадцать человек, в том числе, как я помню:

1) *Криволуцкий Прокопий* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.),

2) Криволуцкий Иван,

3) Криволуцкий Лавро (отец),

4) Кочергин Павел Ильич,

5) Кочергин Иван Андреевич,

6) Москвитин Марк,

7) Москвитин Костя,

8) Москвитин Яков,

9) Кочергин Федор Семенович,

10) Курников Андрон Васильевич (он в партизаны не пошел),

11) Лифантьев Никон Иванович,

12) Чайковский Филипп Михайлович, поляк, не ссыльный, винопольщик в прошлом в той же Нижней Заимке, но в 1919 году уже в кооперации не работал, у него была жена, тоже полька, и двое ребят.

С речью выступил Свенский. Он говорил о Тасеевском фронте. Во время собрания вошел непрошенный гость — писарь сельской управы Андрей Безмуд... (?) и стал у порога. Ему предложили пройти, но он сказал: «Постою», а вскоре вышел. Предполагают, что он и сообщил кулакам, а те в Тайшет, т.к. ночью прибыл карательный отряд.

Мой старший брат, как и наш отец, кузнец, очень любознательный, много занимался самообразованием (Черневский: «Николай Иванович Куприянов, партизанская фамилия Туровников, впоследствии комиссар в Канске». — Е. С.). Он был в то время в Тайшете, в Акульшете догнал галошинцев и ехал позади них. Он был в числе подпольщиков, в курсе дела и понял, чем пахнет.

Между Коноваловой и Нижней Заимкой идет дорога на мельницу нижезаимского крестьянина Василия Иннокентьевича Криволуцкого, а оттуда в Нижнюю Заимку. Когда белые проехали этот развилоч, брат свернул на объездную дорогу и погнал лошадей, прибыл в село раньше белых и сообщил подпольщикам о движении карательного отряда. Криволуцкий успел спрятать порох.

Собрание к этому времени закончилось, и подпольщики разошлись по домам, не скрывались, т.к. не думали, что о них знают. Дезертиры Федор Григорьевич Кочергин, Федор Запасов и Филимон Николаевич Кочергин решили, что отряд идет за ними, запрягли коня Николая Филимоновича Кочергина, мерина соловой масти, и собрались удирать на заимку Николая Филимоно-

вича (у него и Григория Филимоновича Кочергина была общая, так называемая Филимоновская заимка, в семи верстах).

Белые, приехав в село, остановились у Ивановых и на краю села, у выхода на Тракт-Ужет поставили часового. Часовой обстрелял дезертиров и сразу убил лошадь. Трое бросились под гору по снегу бегом и все-таки ушли на заимку.

Свенский взял у Ивана Андреевича Кочергина рыжего мерина, добрый был конь (Черневский: «Нет, на этом коне уехали галошинцы!». — *Е. С.*), и тоже решил проскочить, но свернул на Борисовскую дорогу. Его обстреляли, но он удрал.

Белые приехали часа в три ночи, а уехали на рассвете. Люди уже спали, но все проснулись. В Нижней Заимке они меняли лошадей. Их повели И.Н. и М.А., которых утопили в Шемякино, а не в Шиткино.

Галошинцы тоже поехали по Борисовской дороге (Черневский: «Не верно!». — *Е. С.*). Трех братьев Москвитиных они арестовали, однако после трепки в Шиткино, возвращаясь из него через Борисово, сами за арестованными не заехали, а прислали нарочного с приказом, чтобы староста их препроводил в Тайшет. Но ни арестованных, ни старосты уже не было — они ушли к партизанам в Шиткино. Освобождение их произошло так, как описал Кривоуцкий.

Отдельные факты и эпизоды

- При занятии партизанами сел я попал в Гоголевский отряд (в Верхней Гоголевке). Во время майского отступления, уже из Шиткино, мне поручили везти подводу с оружием. В Шиткино в доме Ефима Яковлевича Мутовина по Чалдонской, где теперь чайная, была тюрьма, там держали арестованных кулаков из разных сел, в том числе наших нижнезаимцев. П.М. был не из очень богатых, за ним были только какие-то подозрения. Он стал проситься к партизанам, и его выпустили. Назначили в обоз. При отступлении из Шиткино он прибил к мне, сумел окрутить, выпросил ружье, дал я ему и свою рубашку. Он тогда сказал: «Знаешь что, зачем я пойду на Чуну, останусь тут, в тайге буду прятаться и бить белых». И ушел, и стал первым предателем.

- Я все время стоял на 33-й версте. В октябре 1919 года меня назначили коптенармусом.

- Свенского везли в одной верхней рубаше, привязанным к саням. Его расстреляли в Нижнеудинске — это точно.

- Иванов Николай Сидорович был женат на Грибановой Евдокии Германовне, у них было уже пять маленьких дочерей. Его братья Иван и Василий никакой контрреволюции не вели: Иван был подросток, а Василий совсем мал. Мать — Вера Поликарповна.

- Я попал в Верхнегоголевский отряд, когда там командиром был Шевелев, а до того Кривоуцкий Прокопий, который перешел в нижнезаимский штаб.

- При майском наступлении караульным начальником в Верхней Гоголевке был пойминский Королев, а дежурным по караулам Журавлев, тоже пойминский. Они, узнав о наступлении белых, бросили службу и убежали в Пойму, не предупредив Тайгой. Но их позже арестовали и расстреляли.

• Петр Буйлин мародерствовал, самочинно расстрелял в Рыбинске Портнова и забрал его деньги.

• Однажды, когда моя жена с первенцем-сыном на руках вместе с моим младшим братом Алексеем и своим братишкой (Черневский: «Николаем? Неизвестных». — Е. С.) поехала на покос, их встретил румынский отряд, сопровождаемый кулаками-предателями Г. — Савельевским и П.М. (на нем была моя рубашка). Жену с ребятами увели в колок и стали допрашивать, грозили расстрелять, тянут из рук ребенка — где муж-партизан? Коня Чубарку, грабли забрали — и с концами.

• Пленного Бича везли в люльке-носилках между двух верховых лошадей или привязанным к оглоблям. В Нижней Заимке сменили лошадей. Били крестьян за то, что медлят. Избили моего тестя Неизвестных Феоктиста Анкудиновича, попало и жене Александре Феоктистовне по руке плетью с пулями, когда та кинулась запрягать. Крестьянин Филат Авдеев уже запряг и гнал лошадей, но и его отлупили за то, что запоздал. Попало крепко и Григорию Филимоновичу Кочергину.

• Машуков умер в доме Ивановых, где был госпиталь. Его сгубила Тоня Кочергина. Она была в него влюблена, ухаживала за ним как медсестра. Он уже поправлялся от сыпняка или тропички, ему не велели давать тяжелую пищу, а она пожалела и дала котлету. Появился возвращающийся тиф.

• Село Нижняя Заимка состояло из четырех улиц: главная — Тракторная, протянувшаяся на три версты, Зеленая, Песчаная и Церковный переулок. Грубая схема села прилагается.

• В братской могиле в Нижней Заимке похоронены: Москвитин Яков Миронович, Бычков Андрей Ильич, убитый в тайшетском бою, десять человек из 6-й роты, а также умершие после партизанщины, при советской власти бывшие партизаны Москвитин Александр Тихонович, Кривоуццкий Емельян Меркурович.

Вообще же в тайшетском бою погибло много нижнезаимцев. Кого я помню, так это Казенный Федор, его привязали к столбу и расстреляли. Он, говорят, перед расстрелом смеялся в лицо врагу. Панин Николай Иванович, Андрюкович Трофим Васильевич и др. Их могилы неизвестны.

• О Вепревых. Два молодых бойких брата из Старого Акульшета (или Н. Акульшета) в составе разведки из семнадцати человек пошли из Бузыканоно в Шиткино, все верхом. Коней привязали и оставили постового, а остальные рассыпались по домам. В это время из Тайшета подошли румыны и остановились в гордеевском доме. Партизаны все к коням — и ускакали.

Братьев Вепревых схватили. Вывели обоих, одному прямо на улице хотели срубить голову, но только череп раскроили, а второй, Родион, не растерялся и бросился бежать, шмыгнув в дырку в заборе дома напротив, между углом дома и столбом, к которому прибит забор. Румын уже рубанул, но попал в столб. Этот столб с зазубриной лишь недавно сменили.

Родька убежал на Мылку, за ним гнались, стреляли. Но он удачно проскользнул по чуть замерзшему болоту, а румыны не смогли.

Труп убитого Игнатия сутки лежал на улице. Я это видел сам. Это было 21

октября по старому стилю, а 22-го была Казанская (праздник). Значит, 3 и 4 ноября по старому стилю.

- Евдоким Кочергин был женат на Матрене... Будучи за Лифантьевым, она работала продавцом в товариществе, еще там снюхалась с Евдокимом. Очень красивая, крупная, полная. У них были и дети, но он сошелся тоже с замужней Матреной Ивановной Завиро, женой Лифантьева Якова... У нее был сын. Оба развелись. На ней Кочергин и женился. Все лето, месяца два, он не был в отрядах, а скрывался на заимке Завиро.

- В Нижней Заимке живут бывшие партизаны Федор Запасов, Адамюк Иван Анисимович, Москвитин Тарас Андреевич, Степаненко Вавил Веденисович (его отца звали Веденис Суворов). Константин Семенов живет в Тайшете на Пролетарской улице, 18. В Тайшете же живет Москвитин Леонтий Николаевич, бывший партизанский фельдшер, бирюсинский (из 6-й роты).

В Тракт-Ужете живет Дубровин Трофим Кондратьевич (Кондрашов).

В доме Бурмакина Андрея Гордеевича гостиница, где работала в 1957 году заведующей Наталья Михайловна Батуева.

ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ БАТУЕВ

Родился в 1910 году,
бывший житель деревни Николаевка (станция Байроновка)
Беседа состоялась 13 ноября 1962 года.

» Визложении А. Ю. Черневского

Павел Федорович говорит, что хорошо знал Вепревых. В 1912 году они переселились из Вятской губернии на Николаевский участок. Стариков Вепревых было трое: Яков, Михаил и... Партизаны брата Вепревы были не родные, а сродные братья, обоим было по 17 лет. Убитого звали, кажется, Игнатием. Он был сыном Михайлы и самым старшим, за ним шли Иван и Сашка, самый младший Петька. Мать была жива. Отец Михайло был шутник, хороший охотник-лыжник.

«Родион был очень большого роста, здоровый и широкий, кудрявый, — рассказывает Батуев. — Я его знал и дружил с ним. Он уехал и живет где-то на востоке. Он мне рассказывал, что их захватили, когда они возвращались из Конторки (???), оба отстреливались. На расстрел выводили по одному, в нательном белье. Первого Игнатия, второго его, Родьку. О его побеге известно. Он говорил, что ударом сбил палача, когда тот замахнулся шашкой, и даже свалил его наземь. Бежал через две калитки, потом через замерзшую проточку прокатился, а румыны провалились, они стреляли по нему, но он ушел в лесок, потом на Яковскую заимку, где его скрывали несколько дней.

У Родиона был старший брат Семен — баптист, не женатый. Их отца звали... (но не Михаил и не Яков). О них хорошо знают их земляки — вятский Полевщиков Иван Иванович и его мать-старуха».

Имя — Игнатий, Игнашка — подтвердила Латышева Аграфена, 61 год, бывшая жительница деревни Николаевка, которая росла вместе с братьями Вепревыми и хорошо знает их, обещала достать адрес Родиона. Она живет в Суетихе по ул. Б. Хмельницкого, д.30, кв. 2.

Отдельные факты и эпизоды

- Старовойтов Иван убит, кажется, в разведке в Конторке, еще до отступления, зимой 1919 года.
- Андрюковичей было два брата: Трофим и Митрофан (Троха и Митроха), но второй в партизанах не был. Оба ходили при галстуках и их называли «петроградские господа».
- Мать Тарасенковых звали... Захаровной (Никитин М.П. утверждает, что совещание подпольщиков было в их доме и что там были Андрюкович Трофим и Тарасенков Василий). Родион Вепрев жил не в Николаевке, а в Старом Акульшете (Черневский: «Это после, а тогда в Николаевке». — Е. С.).
- В Суетихе живет старушка Зубова, лет семидесяти, из Николаевки (ее дочь работает в пекарне сельского потребительского общества). Она может кое-что рассказать.

ЕГОР СЫСОЕВИЧ ФАДЕЕВ

**Родился в 1893 году,
бывший житель деревни Заречинск (Сергеевский участок), партизан.
Ныне живет в Шиткино (ул. Больничная).
Беседа состоялась 24 августа 1962 года.**

Мы переселились в Сибирь из Псковской губернии в 1909 году, прибыли в декабре. Сперва нам отвели участок на горе у Шеремеевского озера (22 десятины), но здесь было неудобно — далеко ходить вниз к деревне в лавку, и по нашей просьбе нам разрешили спуститься вниз, под гору. «

На озере остался Завиро Иван Силыч с детьми (двое дочерей и пятеро сыновей), который построил там мельницу, кожзавод, крупорушку, пасеку. Это все в трех верстах от нашей деревни.

Завиро из Псковской губернии, Островского уезда, деревни Засухиной. До революции его выбирали в уездное земство, он сторонник Керенского и эсеров.

Когда я был на Рижском фронте, в деревню Велейку приезжал и выступал Керенский — за войну до победного конца, но солдаты не пошли. Там же, на нашем фронте, были женские батальоны, ходили в наступление, а потом немцы пороли их по заднему месту.

После Октябрьской революции к нам приехал комиссар Дроботов, сам он их Херсона, и распустил нас по домам (после сдачи Вильно): «А винтовки с собой возьмите, они вам пригодятся».

И мы, все восемь человек сергеевских, прибыли после Крещения 1918 года домой:

- 1) я, Фадеев Егор Сысоевич, 1893 г.р.,
- 2) Степанченко Яков Васильевич,
- 3) Кочетков Митрофан Иванович,
- 4) Костинов Тимофей Иванович,
- 5) Завиро Петр Якимович,
- 6) Фадеев Дмитрий Афанасьевич,
- 7) Лебедев Николай Никифорович,
- 8) Толкачев Федор Алексеевич,
- 9) Нетрусов (значит, девять человек).

Понемногу стали жить. Потом произошел переворот. Началась сумятица, стали собираться, больше в доме Гаврилы... у которого жил родственник Позднеев Никифор Васильевич (его звали по-деревенски Миненя). Он был местным организатором. Вся наша деревня были земляки, скобари, главным образом из Псковской губернии (Остров, Холм, Новоржев, Выборг).

Сюда приезжали Свенский, Бич, Воронин, Закир (Захир) Тахватулин, Константин Семенов (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.). Позже, когда появился Кепул Анс, стал приезжать, кажется, и Богданович, а также Чайковский (Черневский: «И Швайдецкий». — Е. С.).

На Маслену мы, пять дружков, поехали гулять к землякам-братьям Михайловым в Шиткино. У Михайловых, хотя они и переселенцы, был чуть ли не самый большой дом в Шиткино, круглый, построенный по типу шиткинских, высокий, окна на улицу и в ограду. Глава семьи Осип, его сыновья Федот, Иван... Погуляли ночь, крепко выпили. Вот кто из сергеевских был здесь: я, Поздеев, Завиро Петр, Толкачев Федор, Кочетков Митрофан.

Рано утром прибегает Свенский и объявляет, в чем дело. Митрофана Кочеткова посылает на своем коне гнедом в разведку — встречать белых (Черневский: «Саврасый бегунец!». — Е. С.). Митрофан на кошеве поехал, парень он был бойкий, и конь попался добрый. Только въезжает в Тракт-Ужет, с горы к мостику едут галошинцы, он круто назад, через Ужетку — и в лес, на Сергеевский участок. Белые за ним. Он оттуда на Кавказ, на остров — они за ним...

Тем временем Свенский собрал сельский сход. Тут прискакал Митрофан. Нас всех расставили в засаду на тракт. Я взял ружье у Джогина Ивана Григорьевича, у которого еще до армии три года был в работниках. (Джогин из старожилов, отец, Григорий Михайлович, был сослан за что-то. Он в 1919 году уже очень старый, хозяином был его сын Иван Григорьевич.)

Из шиткинцев были только Иванов — Поташов Василий, Мутовин Гурьян да мы пятеро, всего семь человек. Никого, кроме нас, из сергеевских не было, в том числе Кепула и Степанченко. (Кочетков живет сейчас в Ачинске.)

К вечеру, когда приехал Бич, приехали и остальные наши заречинцы:

- Яковлев Алексей Антонович — зарубили на Сергеевском,
- Яковлев Михаил Петрович (партизанская фамилия Ласточкин, а уличная Шабан — вот кто был с Бичом, Н.Л. Кочергиным и Необъявляющим!),
- Степанченко Яков Васильевич,
- Яковлев Пахом Петрович (можно исключить),
- Сидоров Михаил Степанович,
- Завиров Константин Акимович,
- Костинов Тимофей Иванович,
- Золотых Никита Петрович,
- Золотых Иван Петрович, его брат, от Колчака бежал,
- Лебедев Николай Никифорович,
- Нетрусов (исключить).

А был в партизанах Фадеев Дм. Аф.?

Поздней осенью 1919 года, перед Казанской (середина октября по старому стилю, около 1 ноября по новому), когда мы стояли на Ивановом мысу, я, Толкачев Федор, Яковлев Алексей и Кочетков Митрофан отправились, четверо, в разведку на Сергеевский участок, все с винтовками. Я и Митрофан были уже женаты, а Толкачев Федор и Лешка Яковлев — холостые. Поэтому мы с Митрофаном ночевали дома, а Алексей Яковлев — у Федьки Толкачева. Конечно, все выпили самогонки. Толкачев жил у старшего брата Михаила. Он был уже пожилой, его первая жена умерла, а детей у них не было. Он взял женщину с детьми, вдову, родственницу Костинова, Марию...

Белые, отряд румын в шестьдесят человек, эскадрон или полуэскадрон, пришли неожиданно с Тракт-Ужета, со стороны Кондрашей (по другую сторону Ужетки, на месте бывшей заимки Баландина, жила семья Кондрашей

(Дубровины) да еще стоял дом вдовы Филипповой с двумя детьми). У самого устья речки они и переправлялись. Митрофан шел утром по улице рано, с ружьем, шуба накинута, и первый их увидел. Бросился к избе Толмачева, распахнул дверь: «В ружье!». Бросил шубу — и за угол, румыны открыли огонь, но он огородами ушел.

Из избы первым выбежал Алексей Яковлев и бросился за Митрофаном, но водчик-предатель Зимарев Иван (с Венгерки) крикнул: «Лешка, дурак, чего бежишь, тебе ничего не будет!». И тот сдался.

Выбежавшего вслед за ним замешкавшегося Толмачева румыны пристрелили прямо на крыльце. «Партизан!» — вскричал Э., и румыны залпом выстрелили в Толмачева в упор.

Меня взяли в доме, повели на суд — прямо посреди улицы, перед домом Долгалевых (где жили Кепул и Степанченко). Когда брали, русский фельдфебель командовал, но румыны набросились и били по голове прикладами и плетью, по лицу пошла кровь. Фельдфебель остановил их.

Сгоняют народ, кто в чем. Кепулов и Стряпченков тесть Николай Осипович Долгалев идет одна нога в лапте, другая босая (он был у них забитым мужичком, всем командовали бабы, умер в 1926 году). Румыны пропускают всех сквозь строй да угощают прикладами. Крепко досталось Николаю Долгалеву, потому что он шел первым.

Стали судить. Осмотрели винтовку Яковлева: «Стреляная! Расстрелять!».

Расстреливал русский фельдфебель. Первый раз из нагана — промазал, второй раз — в правое плечо. Он упал, еще живой. В него выстрелили из трех винтовок. Он еще дергался, уже почти мертвого изрубили шашками.

Среди румын был пожилой англичанин в накидке.

На казни присутствовала мать Алексея Вера Прокопьевна и отец Антон Яковлевич.

Пошли на обыск в дом Толкачевых. Брат Михаил говорит, что ружья нет, но нашли и привели его на суд: «Пятьдесят розог!» Стали лупить прутьями. «Товарищи, не выдюжить мне!» За «товарища» кто ложей, кто стволом избивали до полусмерти. Три дня пожил и умер.

Я, когда его истязали, попросился умыться, а сам в ограду Петра Долгалева — и убежал. За мной гнались, стреляли, а я, провалившись в холодное озеро, простоял часа полтора, пока румыны ушли.

Румыны, и вообще белогвардейцы, после карательной операции обычно выстраивались и кричали: «Ура!».

Они все в стельку пьяные были. Я из воды — и на гору к Завиро. Навстречу конный румын: «Где ваши?». — «Какие наши?». Оказалось, что хочет передаться. Я его направил на Волынку Чекурчет, в районе Трак-Ужета, где была наша разведка, двенадцать человек. Но он попался своим. Потом все же, придя с отрядом на Венгерку, перешел к нам. Это оказался Иван Пензик.

(Черневский: «Семенов А.Д. уверяет, что Пенза, или Пензиль, и Тот перешли при нем еще в марте 1919 года, на Гоголевском участке. Семенов же говорит, что он видел у Митрофана Кочеткова три гранаты-лимонки. В марте румын в Тайшете не было! Прав, скорее, Фадеев. Но кто-то рассказывал мне, что румыны перешли в районе Тракт-Ужета. — Е. С.).

АФАНАСИЙ ЕФИМОВИЧ БРЮХАНОВ

**Родился в 1898 году¹, старожил деревни Шиткино, бывший партизан.
Беседа состоялась в Шиткино 25 августа 1962 года.**

» В 1919 году Половицкого Якова уже не было, он уехал домой. Свенский жил в западной (что к джогинскому дому) половине бывшего дома Половицкого, где теперь живут Ломакины, а в восточной половине жил Ефим Смолин, в глубине ограды в отдельном доме — Ополченский. Я жил дома через два от них, рядом с Макаром Жуковым. Во время налета голошинцев я где-то отсутствовал, и картину боя не знаю. Но на другой день, когда партизаны ушли на Шемякино, я в числе первых добровольцев тоже отправился в отряд. Оттуда снова в Шиткино, Нижнюю Заимку, а затем попал в Акульшетский отряд, где командиром был назначен Половинкин — Воронин Иван Назарович. Попал в лыжный отряд Василия Тарасенко. С нами был, кроме нижнезаимцев и шиткинцев, Богатын Насыров, вроде командир отделения. Ходили на диверсию на железную дорогу. Особых приключений не помню. Я был тогда еще холост.

Перед тайшетским боем была мобилизация, а нас отправили в Нижнюю Заимку на отдых (конечно, побывали и дома). Тайшетский бой происходил без нас, а когда мы вернулись в отряд, вскоре началось отступление.

Из Нижней Заимки сразу посылается отряд на Ангару, во главе с Иваном Смолиным, человек десять — пятнадцать, в том числе попадаю и я (дополнительный отряд к Яну Пепулу). Хорошо помню, что в отряде были:

- я,
- Пустынский Нил,
- Смолин Иван Гаврилович, командир,
- Смолин Евдоким Пегасович,
- Микеня (Поздеев Никифор Васильевич из Сергеевского)
- Назар Федотыч Мутовин, пойминский.

Других не помню. Шли по тракту Тайшет — Дворец (Чунскому) на Червянку. Приезжаем, переночевали. Туда же прибыл отряд Яна Пепулу в сорок пять человек. Говорят: «Казачи идут по Ангаре».

Мы все разбиваемся на две группы-отряда. Одна, во главе со Смолиным Иваном (туда попали Смолин Евдоким, Нил Пустынский), пошла на Дворец, а другая, во главе с Яном Пепулом (в том числе я и Микеня, а всего человек пятнадцать), пошли на Ангару через Карамышев и хребет на Банщикову. Там ничего нет. Переночевали. Едем выше, в Воробьево, где была волость. По слухам и предположениям, там белые. Оцепили село. «Если что с кем из нас случится, сообщить родным», — сказал Микеня мне, и мы обменялись адресами (шли в цепи вдвоем).

¹ Умер в 1974 году.

Но в Воробьево никого не оказалось. Командиры зашли в волостную управу, что-то забрали (кассу) — и едем обратно в Банщикову. Приехали, переночевали. Назавтра вниз по Ангаре на встречу с дворцовским отрядом пошли. Приходим в деревню ниже Илима верст десять, расставили посты, караулы (Черневский: «Очевидно, это была деревня Бадарма». — Е. С.).

Ян берет несколько человек, в т.ч. меня и Микеню, и поплыли на остров к богатому крестьянину-кулаку, что-то там конфисковали и переправили добро, поплыли второй раз. Я стоял в этой неизвестной мне избушке на посту. Вдруг с Илима нагрянули казаки. Наши стали отступать в лес. Посидели, бегут сыскные казацкие собаки. Мой пост был у реки, бегу под угор и в лес. Там встретил человек пять бежавших. Ян еще на острове.

Пошли, доходим до небольшой речушки, там мельница и лодка. Берем лодку и плывем вниз по Ангаре, мимо острова. Приплыли, видим: деревня, а там люди, цепь. «Кто, — думаем, — такие?». Машут, узнали — свои. Плывем восемь человек в одной лодке.

Оказалось, что Ян Пепул, услышав стрельбу в деревне, не поплыл туда на выручку или хотя бы выяснить, в чем дело, а уплыл с людьми вниз и опередил нас. Это и был он со своими людьми.

Микеня, с ним еще несколько человек, решили плыть обратно в деревню, т.е. не поплыли с острова с Яном, а к нам, где шла перестрелка. Позже оказалось, что казаки убили их в перестрелке.

Ян Пепул был храбрый с мирными жителями, а в бою трус и мародер.

Поплыли мы дальше, ниже. В Паново или Кежме встретились с дворцовским отрядом, который был уже очень большой. Оказалось, что отряд Москвитина — Кочергина, который был послан после нас уже не из Нижней Заимки, а из Шиткино (Черневский: «Очевидно, после донесения Смолина». — Е. С.).

Откуда-то появился слух, что Шиткинский фронт разогнали. Яна Пепула оставляют на Ангаре, а мы всем большим отрядом — на Дворец, в Червянку и Выдрино. В отряде Яна Пепула оставили человек пятнадцать, а Смолин Иван пошел с нами, Нил Пустынский и Евдоким Смолин тоже с нами. Ян остался с отрядом в Паново как застава.

В Выдрино встретились с отрядом Криволуцкого — Критинина и пошли в Неванку. Из Неванки меня, Пустынского и еще кого-то третьего направили на разведку в Шиткино, а когда мы вернулись с разведки, все отряды поехали из Неванки в Кондратьево.

Из других операций помнится мне разведка в Шиткино, когда я и Нил Пустынский, а всего человек десять, уже из Поймы пошли. Это было поздней осенью, может быть, тогда, когда мы стояли не в Пойме, а в Бузыканово или на Ивановом мысу.

Пришли пешими в Шиткино, белых нет, разошлись кто по домам, кто куда, но расставили посты (?) и определили условное место сбора через час или в случае тревоги. Только разошлись, как влетает с тракта со стороны Кавказа отряд бело-румын конный (Писарев?). Тревога. Все сбежались в условленное место — и в лес, а двоих нет, это братья Вепревы. Они заходили в дом Парфена Яковлевича Мутовина, в пятистенный, не круглый дом, на углу Береговой и Партизанской (где сельпо). Кооперация была в угловом доме —

склад. Вместе с нами оказался в Шиткино Криволуцкий на коне (мы пришли по Заречью, а он трактом), с ним тут тоже что-то получилось.

Нам с Мыкалки надо выбирать на ту сторону тракта, там посты — делаем перебежку. Дошли до Бузыканоно — часть наших стояла там, часть на Ивановом мысу, а часть еще только копала окопы, но это все было после пленения Бича.

Тут вскоре командиром фронта стал Машуков (или перед этим? — нет, маленько позже). Это был хороший командир, все пошло порядком.

Последний бой был перед Шиткино, по снегу, в декабре 1919 года. Мы заняли Шиткино, ждем белых, цепи наши по Новосельскому переулку у Джогино, справа по лесу кавалерия (там был и Макар Жуков). С грани начали стрелять из пулеметов белые, но застрочили наши цепи, выскочила кавалерия справа, и белые больше не сунулись.

Из Шиткино перешли в Нижнюю Заимку, затем в Коновалово, затем в Тайшет и своим отрядом шли до Нижнеудинска. В Рубахино, за рекой, нас разбили по ротам 264-го Верхнеуральского полка.

Отдельные факты и эпизоды

- В Яковской заимке тогда было пять домов: Денис, Капелинья, Мураши.
- От Советской до мостика на Чалдонской жили Кирилл Халявин, Акатей Брюханов, Михно Емельян, Смолин Евдоким.

По Новосельскому: Лазаренко Евдоким, Лазаренко Максим, Поташовы — Ивановы, Михайловы, Веселовы, Юхновец Евдоким, Черешнев, Максимов.

Где теперь почта — это бывший дом Мутовина Ивана Васильевича, а рядом с почтой, ближе к Гордеевским, — дом Бурмакина Цериона Павловича, он из бедных крестьян, в его ограду и бежали Вепревы.

- Престольные праздники в нашей деревне Троица и Егорьев день (26 ноября по старому стилю). На углу Береговой и Чалдонской, где теперь сельпо, была церковь, часовня и отдельно колокольня. Церковь небольшая, рубленая, с куполом, ограда деревянная. Попом был в 1919 году.. Народ у нас не очень богомольный был, а прихода мы Нижнезаимского.

- Шестая рота — ее ездил встречать Гурьян Мутовин.
- В 1919 году Ефим Яковлевич Бурмакин, где теперь столовая, еще держал лавку и торговал.
- Как и где жил Свенский, точно может сказать жена Ефима Смолина Фекла Смолина, которая живет в Тайшете по Татарской или Комсомольской улице.
- В Пойме я, Костя Зави́ро, Петр Иванов — Поташев, Пустынский Нил жили в одном доме.

ЕФИМ КОНДРАТЬЕВИЧ ДУБРОВИН

Родился в 1903 году.

Мой отец Дубровин Кондратий Васильевич в 1912 году переселился в Сибирь и купил заимку у шиткинского крестьянина Баландина Алексея Никитича, у которого дом был в Шиткино. Здесь поселились братья Дубровины и их дети. Кроме Дубровиных никто не жил. Один из братьев моих, Дубровин Трофим Кондратьевич, не пожелал жить там и поселился в Тракт-Ужете, но по северную сторону, шиткинскую, от моста (те, что за мостом к Шиткино, относились к шиткинскому старосте). «

Хутор Дубровинский находился верстах в... от Тракт-Ужета на левом берегу, и его часто называли Кондраши. Мой брат Трофим был при румынах избран сотским или десятником, с ним Поликарп... и шиткинский...

Дубровин Поликарп был партизаном, он жил в Тракт-Ужете. Румыны забрали у него белого быка. Жена, собрав пять — семь ребятишек своих и соседских, пошла к румынам просить, чтоб вернули быка, но ей отдали только шкуру.

Шиткинский Михайлов Федот был партизаном.

СОЛОМОНИДА ФЕДОРОВНА МУТОВИНА

**Родилась в 1885 году,
жена партизана Гурьяна Яковлевича Мутовина, 1886 г.р.
(погиб от репрессий в период культа личности в 1938 году).
Беседа состоялась в деревне Шиткино 28 августа 1962 года.**

» Портрет Гурьяна: среднего роста, плотный, русый, с усами, подкрученными по-фельдфебельски, без бороды. Фамилию-отчество принял от дяди, брата матери — Мутовина Якова Ивановича, у которого вырос (поднимался). Мать, урожденная Мутовина, умерла рано, оставив восемь детей, и Гурьяна взял дядя. В 1907 году женился. В 1910 году родился сын Яша. Когда женились, отошел, отделился от дяди, ходил работником. Родной отец Гурьяна — нижезнаимский Пимен Белоусов. Служил в старой армии до 1918 года, пришел уже после Октябрьской революции 6 октября или ноября, на осеннего Николу, а может, и в 1917 году, но, кажется, перед самой партизанщиной. Простудился в армии и пришел на костылях.

О подготовке восстания я ничего не знаю. Вижу: собираются да перешептываются прямо на улице свои мужики, а потом среди них замечаю и чужих. Иногда в дом приходят. Дружком у мужа был Акатей Иванович, постарше его, тоже активно готовился, они были бедными, часто сезонно батрачили, как и мой Гурьян. Спрашиваю: «Об чем сговариваетесь?». «Самогон варить», — отвечает. А вечером уйдет, и всю ночь нет. Ругаться начинаю (рассказчица стройная, красивая женщина). Раз спрашивает: «У тебя есть хлеб?» Отдала последние три булки, а кому, не знаю. «Заведи квашню поболее». Стала догадываться. Утром приходят за хлебом незнакомые.

Раз в лавке слышу разговор между продавцом Милентием Михайловичем Бурмакиным и Иваном Федосеевичем Норенковым. Последний рассказывает, что в деревне, да и в округе, говорят воевать против Колчака. А Милентий: «Ишь, дурь выдумали, побьют, как мух».

Опять пристала к своему, признался. Стали по домам шить рукавицы.

В день налета белых в феврале 1919 года у Гурьяна были Паташов Акатий Иванович, Евдоким Смолин и Васильев Федор, Кулаков (не партизан, бузыккановский). Евдоким забежал домой и взял берданку, а мой — бомбы. Идут три солдата: «Куда вы?» Забрали их. Гурьян был в белой шапке, идет впереди — «Не спеши, белая шапка!» Едут на санях солдаты: «Давай в сани, уезжаем». Солдаты побросали наших и уехали, а Гурьян и Евдоким — в Мыкалку.

Я с Василием Федоровичем — в Бузыкканово. За пять верст встретила Бича в санях, его вез мальчик. Клячонка еле идет. «Что там в Шиткино?» Рассказали, он с саней и бегом туда.

Под Яковской нам встретились толпы партизан. Приехали на Яковскую заимку. Туда же приезжают бузыккановские Исак Кулаков, Петр Каверзин (тот, которого уже нет в живых) и Степан Кулаков, мы им сказали, что и как, и они пошли в Шиткино, мы в Бузыкканово.

В Яковской заимке Актентий Гордеевич Бурмакин, брат Андрея Гордеевича, который тоже уехал из Шиткино, нас ругает: «Вас перебить надо, из-за вас и мы страдаем». Но, возможно, это было уже при майском отступлении, запамятовала.

После мы узнали, что произошло в Шиткино. Первый штаб у Бича был в Меркурьевой избушке на Береговой, тогда она была пустая, а после в ней стал жить Гаврила Митрофанов.

Когда фронт организовался, на Чуну послали Максима Лазаренко (шиткинский новосел), Гурьяна, Дмитрия Попова и Андрея Черешнева (пастух, потом был главным связным в Шиткино, сигнализировал нашим разведчикам, что в деревне). Они ездили не то по организации Баерского фронта, не то за лошадьми, вплоть до Червянки, и еще с ними Милентий Михайлович Бурмакин, он тоже пошел в партизаны. (У него жена Любава Николаевна, с которой я все время уезжала в Яковскую заимку.) Они были в Червянке, когда с Мираново шел отряд 6-й роты.

В майском отступлении на Троицу (14 июня по новому стилю) с утра была гроза и дождь, мы опять отступили на Яковскую заимку, а Гурьян и Милентий были на Чуне. Тогда-то и приезжал на Яковскую и в Шиткино на разведку Исак Кулаков и др. Исак Кулаков с гранатой и наганом переплывал на тот берег от чехов и чуть не утонул.

В период эвакуации из Шиткиной летом 1919 года у нас мародерствовали Сидухинские, скобари, что жили в задах Гордеевских: они набили чужого добра, которое крестьяне потом отобрали. Авдотья Смолина нашла у них свой обрез сукна. Были и другие мародеры: Береговые и Шубины. А потом чехи лупили тех, кто отбирал свое добро.

В августе приехали румыны, все в зеленых марлевых масках-накомарниках. К нам свалили оружие (???), у Евдокима Смолина у них была столовая. Везде поставили посты, и у лиственницы, что была недалеко за нашим домом по тракту, очень большая. Ломали наши изгороди на дрова. Старостой тогда был Иван Сергеевич Брюханов, отец Акатея, а Трофим Кондратьевич Дубровин — десятником и сотским. Трофима за хлеб избили до мяса у моста на Партизанской (но не тогда).

Казнили Вепрева. Сначала рубанули по голове, а когда он заслонился, рубанули по руке. После бегства брата его совсем изрубили на куски. Он лежал и на другой день. Уже свиньи подходить стали, а хоронить никто не хочет, боятся. Тогда сговорили старика Михаила Павловича Бурмакина (отца Милентия), бродягу деда Ивана Морова и еще кого-то, и те ночью похоронили его на этом малом кладбище, что у мостика через речушку Арючиху.

Румыны дали плетей и своему палачу — черному, бородатому — за то, что упустил одного. (Труп был виден из окна Андрея Гордеевича, Цициона, Зиновьевых.)

Постоянно в тайге скрывались группы партизан и содействующих — на Вилках на Вилочном хребте, за Шиткиной, версты три от моста к Яковской заимке, где была пашня Василия Яковлевича Мутовина, стояли специально срубленные зимовья, где скрывались Максим Лазаренко, Акатей Иванович Брюханов, Емельян Михно, Ополченский и др. Были там и тракт-ужетские

и один бирюсинский. За Прониной заимкой (заимка Поликарпа Ивановича Рукосуева, Дмитрия Ивановича Мутовина и др., где было гумно и зимовье, амбары и поскотина. Эта заимка на том берегу через паром налево (ниже) — на самом берегу, но партизаны скрывались дальше в бору у болота, за мельницей. Скрывались и в других местах (на речке Кунчете в землянке).

Рядом с нами собирался строиться, да так и не построился, один крестьянин, лес был уже наготовлен. Потом здесь построился сын Зиновия Кочергина Михаил Зиновьевич.

На острове у теперешней переправы (а не за старым паромом) была заимка Ивана Кузьмича Кочергина, хутор.

Между Шиткиной и Еланью, вправо на горе, был переселенческий участок Ягодный, шесть верст от Шиткино.

В Шиткиной были пять девок-сестер скобарей: Маланья, Аниска, Агашка, Женька и Татьяна — Селиверстовны. Аниска грабила добро (одежду) у крестьян, бежавших в тайгу. Ходила в красном платье с румынами. Ее считали предательницей (Черневский: «С румынами и бежала». — Е. С.)

Свенский жил у Норенкова, где Ломакины, Смолин, а в другой половине Ополченский.